ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ: 1 И 16 ЧИСЕЛЪ.

Подписка принимается въ Редакціи при Пензенской духовной Семинаріи.

№ 11.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей съ пересылкою и доставкою 5 руб.

1-го іюня, 1892 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ 15 день минувшаго мая на имя Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Анны первой степени Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Митрофанъ, Епископъ Пензенскій и Саранскій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Св. Синода, въ 15 день минувшаго мая Всемилостивѣйше соизволилъ удостоить награжденія духовныхъ лицъ Пензенской епархіи нижеслѣдующими знаками отличія:

А) За службу по епархіальному вѣдомству:

а) Орденомъ св. Владиміра 4-й степени—г. Пензы, каѳедральнаго собора, протоіерей Константинъ **Смирновъ**;

б) орденомъ св. Анны 2-й степени—г. Пензы, Николаевской церкви, протоіерей Григорій **Соколовъ**; в) орденомъ св. Анны 3-й степени—Мокшанскаго уѣзда, села Уарова, Воскресенской церкви, священникъ Серапіонъ **Преображенскій**; г. Керенска, соборной церкви, протоіерей Николай **Любимовъ**; Городищенскаго уѣзда, села Домосердокъ, Архангельской церкви, священникъ Алексій **Троянскій**; Городищенскаго уѣзда, села Юлова, Богоявленской церкви, священникъ Николай **Несмѣловъ**; г) наперснымъ крестомъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, безъ украшеній—настоятельница Параскево-Вознесенскаго женскаго монастыря, Инсарскаго уѣзда, игуменія **Параскева**.

Б) За службу по военному и гражданскому вѣдомствамъ:

Орденомъ св. Анны 3-й степени—Пензенскаго уѣзда, церкви села Рамзая, священникъ Никита **Соловьевъ**.

Награждены: преподаватели Пензенской семинаріи—статскій совѣтникъ Влад. **Протопоповъ** орденомъ св. Станислава 2-й степени и коллежскій совѣтникъ Ник. **Николаевъ** орденомъ св. Анны 3-й степени; преподаватель Пензенскаго дух. училища надворный совѣтникъ Вас. **Тепловъ** орденомъ св. Станислава 3-й степени.

Списокъ лицамъ духовнаго званія Пензенской епархіи, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по духовному вѣдомству ко дню Священнаго Коронованія Ихъ Императарскихъ Величествъ:

а) Саномъ протоіерея—Краснослободскаго уѣзда, села Селищъ, Введенской церкви, священникъ Аѳанасій **Надеждинскій**; Наровчатскаго уѣзда, церкви села Новодѣвичьихъ

Дубровокъ, священникъ Іоаннъ **Вигилянскій**; Керенскаго уѣзда, церкви села Большой Луки, священникъ Іоаннъ **Любимовъ**; Керенскаго уѣзда, церкви села Шеина, священникъ Димитрій **Городецкій**; б) наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ—г. Пензы, Духосошественской церкви, священникъ Іоаннъ **Кронтовскій**; Керенскаго уѣзда, села Знаменскаго, Знаменской церкви, священникъ Стефанъ **Городецкій**; г. Пензы, Тихвинской церкви, священникъ Павелъ **Алмазовъ**; Краснослободскаго уѣзда, церкви села Большого Азяса, священникъ Григорій **Ставровъ**; Нижне-Ломовскаго уѣзда, церкви села Большого Мичкаса, священникъ Іоаннъ **Каурцевъ**; Городищенскаго уѣзда, церкви села Русскаго Ишима, священникъ Евѳимій **Мироносицкій**; Чембарскаго уѣзда, церкви села Пестровки, священникъ Константинъ **Павпертовъ**; Городищенскаго уѣзда, церкви села Русскаго Качима, священникъ Петръ **Мироносицкій**; Нижне-Ломовскаго уѣзда, церкви села Потьмы, священникъ Ѳеодоръ **Соколовъ**; Инсарскаго уѣзда, церкви села Ключищъ, священникъ Іоаннъ **Шуструйскій**; Саранскаго уѣзда, церкви села Малыхъ Березниковъ, священникъ Іоаннъ **Сатурновъ**; Инсарскаго уѣзда, церкви села Потижскаго Острога, священникъ Косьма **Прудентовъ**; настоятельница Краснослободскаго Успенскаго женскаго монастыря игуменія **Евстолія**; в) камилавкою—Пензенскаго уѣзда, церкви села Константиновки, священникъ Михаилъ **Никольскій**; Краснослободскаго уѣзда, церкви села Зосимовки, священникъ Андрей **Богословскій**; Нижне-Ломовскаго уѣзда, церкви села Лещинаго, священникъ Николай **Каурцевъ**; Мокшанскаго уѣзда, церквя села Сумарукова, священникъ Алексій **Никольскій**; Саранскаго уѣзда, церкви села Макаровки, священникъ Михаилъ **Охотинъ**; Саранскаго уѣзда, церкви села Салмы, священникъ Захарія **Снѣжницкій**;

Мокшанскаго уѣзда, церкви села Усть-Вазерокъ, священникъ Александръ **Виноградовъ**; г. Верхняго Ломова, соборной церкви, священникъ Константинъ **Европейцевъ**; Нижне-Ломовскаго уѣзда, церкви села Старой Толковки, священникъ Анастасій **Жаворонковъ**; Инсарскаго уѣзда, Параскево-Вознесенскаго женскаго монастыря, священникъ Іоаннъ **Бѣлозерскій**; Мокшанскаго уѣзда, церкви села Царевщины, священникъ Алексій **Аполлоновъ**; Мокшанскаго уѣзда, церкви села Знаменскаго, священникъ Илія **Пазельскій**; Городищенскаго уѣзда, церкви села Вышелей, священникъ Петръ **Орловъ**; Чембарскаго уѣзда, церкви села Сулакъ, священникъ Сергій **Виллаховъ**; Городищенскаго уѣзда, церкви села Лопуховки, священникъ Николай **Петровъ**; Инсарскаго уѣзда, церкви села Кулдыма, священникъ Алексѣй **Макаровъ**; Мокшанскаго уѣзда, церкви села Бибикова, священникъ Василій **Лебедевскій**; Саранскаго уѣзда, церкви села Старой Михайловки, священникъ Василій **Палладовъ**; г) благословеніемъ Святѣйшаго Синода, безъ грамотъ—Нижне-Ломовскаго уѣзда, церкви села Никольскаго, священникъ Михаилъ **Любимовъ**; Краснослободскаго уѣзда, церкви села Вороны, священникъ Θеодоръ **Николаевскій**; Нижне-Ломовскаго уѣзда, церкви села Кевдо-Мельситово, священникъ Константинъ **Ремезовъ**; Инсарскаго уѣзда, церкви села Спасскаго, священникъ Василій **Покровскій**; Мокшанскаго уѣзда, церкви села Болотникова, священникъ Алексѣй **Быстровъ**; Городищенскаго уѣзда, церкви села Чертковки, священникъ Павелъ **Урбановъ**; Керенскаго уѣзда, церкви села Чернышева, священникъ Димитрій **Добросмысловъ**; Инсарскаго уѣзда, церкви села Потижской Слободы, священникъ Іоаннъ **Никольскій**; Инсарскаго уѣзда, церкви села Токмова, священникъ Василій **Масловскій**; Саранскаго уѣзда, церкви села Блохина, священникъ Василій **Остроумовъ**.

Списокъ лицамъ духовнаго званія Пензенской епархіи, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по гражданскому и военному вѣдомствамъ ко дню Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ:

А) наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ—Пензенскаго уѣзда, церкви села Безсоновки, священникъ Александръ **Архангельскій;** Инсарскаго уѣзда, церкви села Сіалѣевской Пятины, священникъ Петръ **Симилейскій;** Керенскаго уѣзда, церкви села Никольскаго, священникъ Николай **Громовъ;** гор. Пензы, Николаевской что при тюремномъ замкѣ, церкви, священникъ Александръ **Протодіаконовъ;** б) камилавкою—Пензенскаго уѣзда, церкви села Борисовки, священникъ Іоаннъ **Державинъ;** Чембарскаго уѣзда, церкви села Грязнухи, священникъ Петръ **Агаревъ;** Чембарскаго уѣзда, церкви села Крюковки, священникъ Димитрій **Студенскій;** в) благословеніемъ Святѣйшаго Синода, съ грамотою—Пензенскаго уѣзда, церкви села Пригородной слободы Городка, діаконъ Василій **Касторскій.**

РАСПОРЯЖЕНІЕ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Пензенскій Епархіальный архитекторъ заявилъ Консисторіи, что несмотря на сдѣланное Епархіальнымъ Начальствомъ распоряженіе о томъ, чтобы въ мартѣ каждаго года сообщалось благочинными архитектору, гдѣ предполагаются работы по постройкѣ церквей, ни одинъ благочинный архитектору объ этомъ не сообщалъ. Слѣдовательно, благочинные не слѣдятъ за постройками. Поэтому архитекторъ проситъ Консисторію напомнить благочиннымъ объ ихъ обязанности въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого

Консисторія, съ утвержденія Его Преосвященства, опредѣляетъ: „изъ заявленія епархіальнаго архитектора усматривается, что благочинными не исполняется распоряженіе Епархіальнаго Начальства о ежегодномъ доставленіи архитектору свѣдѣній о производящихся въ епархіи постройкахъ церквей и предстоящихъ работахъ (Пенз. Епарх. Вѣдом. 1889 г. № 3), такъ что распоряженіе это не достигаетъ цѣли—установленія правильнаго наблюденія за постройками со стороны архитектора. Поэтому строго подтвердить благочиннымъ, чтобы означенное распоряженіе исполнялось неопустительно, а причтамъ и церковнымъ старостамъ вмѣнить въ обязанность сообщать о состояніи построекъ и предстоящихъ работъ въ началѣ каждаго года до марта мѣсяца мѣстнымъ благочиннымъ".

Присоединеніе къ православію.

Благочинный города Нижняго Ломова протоіерей Тимоѳей Голубевъ донесъ Его Преосвященству, что крестьянка села Ростовки, Нижнеломовскаго уѣзда, содержащаяся въ тюремномъ замкѣ, Анна Григорьева Полковникова, раскольница поповщинской секты, 30 лѣтъ, изъявила полное и непринужденное согласіе присоединиться къ св. православной Церкви на общихъ правилахъ православія; почему послѣ отобранія отъ нея подписки, отреченія отъ раскольническаго ученія и наставленія въ православной вѣрѣ, 9 мая присоединена имъ, благочиннымъ, чрезъ таинство миропомазанія, потомъ исповѣдана и причащена Св. Таинъ, каковое обстоятельство и записано въ метрическихъ книгахъ Нижнеломовскаго собора.

Праздныя мѣста—священническія: Краснослободскаго уѣзда: въ с. Малой Ивановкѣ съ 1889 года; Мокшанскаго уѣзда: въ с. Рождественѣ съ 14 марта; Инсарск. уѣзда: въ сс. Болотниковѣ съ 12 августа, Рязановкѣ съ 11 мая, Языковой Пятинѣ съ 7 мая; Саранскаго уѣзда: въ сс. Смольковѣ съ 9 октября, Симбуховѣ съ 11 февр.; Чембарскаго уѣзда: въ сс. Соболевкѣ съ 11 мая, Щепотьевѣ съ 27 мая; Городищенск. уѣзда: въ сс. Тешнярѣ съ 21 мая, Мокрой Полянѣ съ 20 марта; Керенскаго уѣзда: въ сс. Кармалейкѣ съ 25 мая, Пятницкомъ съ 27 мая;—діаконскія: Пензенскаго уѣзда: въ с. Казанской Арчадѣ съ 1889 г., Саранск. уѣзда: въ сс. Соколовкѣ съ 1889 года, Нерлеяхъ съ 4 февраля; Городищенскаго уѣзда: въ сс. Пазелкахъ съ 1889 г., Казаркѣ съ 1889 г., Русскомъ Ишимѣ съ 1885 г., Аристовкѣ съ 1 августа; Нижнеломовск. уѣзда: въ сс. Ивѣ съ 1889 г., Низовкѣ съ 16 окт., Титовѣ съ 31 окт., Бѣлынѣ съ 5 дек., Мичкасскихъ Выселкахъ съ 1 дек., Верхахъ съ 8 января; Наровчатскаго уѣзда: въ сс. Челмодѣевскомъ Майданѣ съ 1889 г., Шадымскомъ Майданѣ съ 1889 г., Лухненскомъ Майданѣ съ 29 января; Инсарскаго уѣзда: въ сс. Болдовѣ съ 3 марта, Старыхъ Верхисахъ съ 1889 года, Починкахъ съ 12 іюля 1890 года, Старомъ Пшеневѣ съ 1889 года, Вертелимѣ съ 12 мая 1891 года, Лемдяяхъ съ 1889 года, Новомъ Акшинѣ съ 17 декабря 1890 года, Адашевѣ съ 4 марта; Керенскаго уѣзда: въ с. Серг. Поливановѣ съ 31 января; Краснослободскаго уѣзда: въ сс. Новомъ Синдоровѣ съ 1889 г., Каймарахъ съ 1889 г., Перевѣсьѣ съ 1889 г., Рыбкинѣ съ 10 сент., с. Акселѣ съ 10 марта, зашт. г. Троицкѣ при Христорождественской церкви съ 19 февраля; Чембарскаго уѣзда: въ сс. Митрофановѣ съ 1889 г., Щепотьевѣ съ 1889 г., Мокшанскаго уѣзда: въ с. Юловѣ съ 1 окт.;—псаломщи-

ческія: Инсарскаго уѣзда: въ с. Сіалѣевской Пятинѣ съ 26 февраля; Мокшанскаго уѣзда: въ с. Широкоисѣ съ 15 апрѣля; Керенскаго уѣзда: въ с. Колесовкѣ съ 25 мая.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Редакторъ **Н. Шелутинскій**.

Дозв. ценз. Пенза, 1 іюня 1892 г. Цензоръ, ректоръ сем. прот. **М. Знаменскій**.

Типографія Пензенскаго Губернскаго Правленія.

ПЕНЗЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1-го іюня. № 11. 1892 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

О нетлѣніи св. мощей.

Для христіанской вѣры и Церкви св. мощи угодниковъ Божіихъ имѣютъ весьма важное значеніе по ихъ нетлѣнію и той благодатной Христовой силѣ, которая дѣйствуетъ въ нихъ. Нетлѣніе св. мощей не обусловливается ни свойствомъ ихъ тѣла: сухостію и безкровностію, ни качествами земли или воздуха, ни природою или какими физическими условіями, а единственно силою божественною, на нихъ воздѣйствуемою. Изливая безчисленныя благодѣянія на немощныхъ, эта благодатная сила убѣждаетъ невѣрующаго вѣрить въ Бога, слабаго укрѣпляетъ, твердаго въ вѣрѣ спасаетъ и освящаетъ. По этой благодатной силѣ, присущей св. мощамъ, вѣрующіе и стекаются къ нимъ для ихъ поклоненія и почитанія. Отцы VII-го вселенскаго собора (дѣяніе VI-е) говорятъ: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ даровалъ намъ мощи святыхъ, какъ спасительные источники, многообразно изливающіе благодѣянія на немощныхъ".

Особенно разительнѣйшее чудо, которымъ Господь прославляетъ тѣла многихъ угодниковъ Своихъ, есть ихъ не-

тлѣніе. Въ Кіевѣ и Новгородѣ, Москвѣ и Вологдѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ нашего богохранимаго отечества открыто почиваютъ многіе нетлѣнные останки св. угодниковъ и непрестающими чудесами для притекающихъ къ нимъ съ вѣрою громогласно свидѣтельствуютъ объ истинѣ своего нетлѣнія *). Приснопамятный митрополитъ Московскій Филаретъ въ своемъ словѣ о нетлѣніи мощей поучаетъ: „Какъ сосудъ, въ которомъ долго хранится благовонная масть, заимствуетъ отъ нея силу благоуханія, такъ самое тѣло христіанина, въ которомъ постоянно обитаетъ благодатная сила Христова, проницается ею во всемъ составѣ своемъ и даже благоухаетъ ею для другихъ. И поелику сила Христова нетлѣнна, то естественно, что она, вселяясь (2 Кор II, 9) въ человѣковъ, иже Христовы суть (Галат. V, 24), и тѣлесамъ ихъ сообщаетъ нетлѣніе; поелику сила Христова всемогуща, то съ естествомъ ея согласно и то, что она чрезъ нихъ чудодѣйствуетъ, когда то благоугодно Господу, подобно какъ нѣкогда чудодѣйствовала чрезъ главотяжи и убрусцы, которые были на тѣлѣ св. апостола Павла и приняли въ себя потъ его (Дѣян. IX, 12), и чрезъ одно осѣненіе тѣнію св. апостола Петра (Дѣян. V, 15).

Нѣкоторые изъ невѣрующихъ объясняютъ нетлѣніе мощей тѣмъ, что святые изсушали свою плоть строгимъ постомъ и воздержаніемъ, вслѣдствіе чего и по смерти тѣла ихъ, состоящія изъ кожи и костей, не имѣютъ въ себѣ влажности, отъ которой и происходитъ тлѣніе. Но сколько бы святые ни изнуряли тѣла свои постомъ,— они не могли изсушить ихъ при жизни совершенно, потому что живое тѣло не можетъ быть совсѣмъ безъ крови и влаги. Жидкая кровь, хотя бы и не въ большемъ количествѣ, необходима

*) Догм. Богосл. Пресв. Макарія, т. II, § 265.

должна быть въ живомъ тѣлѣ; и этой жидкости, достаточной для поддержанія тѣлесной жизни, вполнѣ достаточно и для разложенія умершаго тѣла. Нерѣдко болѣзнь изсушаетъ тѣло человѣка настолько, что онъ представляется скелетомъ, и однако по смерти тѣло его обращается въ прахъ. Притомъ не нужно забывать, что время поѣдаетъ бронзу и мраморъ, а мощи святыхъ, между тѣмъ, пребываютъ нетлѣнными: время не дѣйствуетъ на нихъ.

Одно изъ замѣчательныхъ явленій въ этомъ отношеніи представляютъ намъ нетлѣнныя мощи св. Спиридона, епископа Тримифунтскаго, который скончался около 348 г. по Рождествѣ Христовомъ, т.-е. болѣе 1500 лѣтъ тому назадъ. Даже Египетскія муміи, или набальзамированныя тѣла Египтянъ, въ которыхъ искусственно уничтожено все, что вызываетъ тлѣніе, хотя и существуютъ цѣлыя тысячелѣтія, но носятъ на себѣ ясные слѣды тлѣнія, а лишь только вынимаются изъ гробницъ и соприкасаются съ воздухомъ, разсыпаются по большей части и обращаются въ прахъ. Между тѣмъ, нетлѣнныя мощи святыхъ являютъ собою скорѣе образъ уснувшаго, нежели умершаго человѣка, и не обнаруживаютъ тлѣнія, несмотря на то, что находятся подъ открытымъ воздухомъ, и иногда переносятся съ мѣста на мѣсто. Такъ мощи св. Спиридона, почивавшія въ Тримифунтѣ (въ Малой Азіи), были перенесены въ VII вѣкѣ въ Константинополь. Во время завоеванія Константинополя турками, нѣкто Григорій Калохеретъ взялъ мощи святителя, вложилъ ихъ въ мѣшки, и въ такомъ видѣ принесъ въ Албанію, а потомъ на островъ Корфу, гдѣ они досслѣ сохраняются невредимыми, такъ что кожа плоти святителя сохраняетъ свою мягкость. Ученые по временамъ пріѣзжаютъ сюда съ единственною цѣлію подвергнуть изслѣдованію нетлѣнныя мощи св. Спиридона и послѣ

тщательнаго разсмотрѣнія ихъ единогласно рѣшаютъ, что никакими естественными причинами невозможно изъяснить нетлѣніе этихъ мощей, слишкомъ полторы тысячи лѣтъ остающихся неповрежденными, и что здѣсь дѣйствуетъ всемогущая сила Божія. Тѣло святителя мягко и растяжимо и какъ бы живо, но вмѣстѣ и плотно; оно нисколько не подверглось порчѣ; выдающіяся черты лица его растиряются и опять принимаютъ прежнее положеніе, когда вынимаютъ и полагаютъ тѣло въ ковчегъ, гдѣ оно стоитъ прямо для торжественнаго несенія по городу. Ноги его четыре уже вѣка слишкомъ въ такомъ жаркомъ мѣстѣ, какъ Корфу, подверженныя теплымъ сырымъ испареніямъ, не потерпѣли ни малѣйшей перемѣны [1]). Все это нельзя объяснить иначе, какъ чудодѣйственною силою Божіею, пребывающей въ нетлѣнныхъ мощахъ святителя.

Изъ этого примѣра видно, что нельзя сравнивать нетлѣніе мощей съ окаменѣлостями, которыя иногда представляетъ намъ природа, такъ какъ и окаменѣлости не остаются безъ всякаго дѣйствія со стороны всеуничтожающаго времени, притомъ же нетлѣнныя мощи святыхъ иногда бываютъ мягки и растяжимы, и представляютъ образъ только что умершаго или даже уснувшаго человѣка, такъ что онѣ не имѣютъ ни свойствъ, ни внѣшняго вида окаменѣлыхъ тѣлъ.

Что не сухость тѣлъ производитъ нетлѣніе св. мощей,— это видно и изъ того еще, что нѣкоторые святые, отъ которыхъ остались мощи, были не сухого, а сырого сложенія, напримѣръ святитель Тихонъ Задонскій [2]). Другіе изъ святыхъ, напримѣръ благочестивые наши Князья, обладали

---

[1]) Лѣтопись церк. соб. арх. Арсенія, стр. 564.

[2]) См. житіе св. Тихона Задонскаго. Спб. 1862 г.

цвѣтущимъ здоровьемъ и крѣпкимъ тѣлеснымъ организмомъ. Нѣкоторые скончались не естественною смертію, но внезапно, на зарѣ своей жизни; таковы многіе мученики, напримѣръ, благовѣрные князья Борисъ и Глѣбъ. И однако мы имѣемъ ихъ нетлѣнныя мощи. Это явно указываетъ, что причину нетлѣнія св. мощей мы должны искать не въ природѣ тѣлъ, а во всемогущей силѣ Божіей.

Нѣкоторые полагаютъ, что нетлѣніе мощей происходитъ отъ качества земли или воздуха и для примѣра указываютъ на Кіевскія пещеры. Но въ тѣхъ же Кіевскихъ пещерахъ, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнно мощи преподобныхъ печерниковъ, укрывалось во время нашествія Батыя множество народа, изъ которыхъ одни умерли отъ голода, другіе отъ меча татарскаго; тѣла ихъ не были преданы погребенію, но истлѣли и согнили въ самыхъ пещерахъ. Преосвященный Стефанъ Яворскій свидѣтельствуетъ, что въ его время видны были въ Кіевскихъ пещерахъ кости людей, истлѣвшихъ совершенно *). Да и теперь въ той же Кіевской горѣ хоронятъ покойниковъ, и они истлѣваютъ. Слѣдовательно, ни пещерная отмосфера, ни грунтъ Кіевскихъ горъ не могли быть причиною нетлѣнія мощей преподобныхъ печерниковъ Кіевскихъ. То же должно сказать и о другихъ святыхъ мощахъ, обрѣтаемыхъ нетлѣнными. Грунтъ можетъ иногда лишь задерживать на болѣе или менѣе продолжительное время тлѣніе тѣлъ, но какъ скоро это тѣло вынимается изъ земли и входитъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ воздухомъ, оно быстро разрушается и разсыпается. Между тѣмъ, мощи святыхъ послѣ ихъ обрѣтенія поставляются обыкновенно въ храмахъ, и ни внѣшній воздухъ, ни дымъ кадильный, ни удушливая атмосфера отъ горѣнія

---

*) Камень вѣры, ч. 2, гл. 1, стр. 248.

свѣчей и множества народа,—не дѣйствуютъ на нихъ разрушительно. При такихъ условіяхъ мощи никогда не могли бы остаться нетлѣнными, если бы на нихъ не воздѣйствовала божественная сила благодати Христовой. Намъ извѣстно также, что многіе изъ святыхъ пріяли смерть отъ разсѣченія ихъ тѣлъ на мелкія части. Почитатели памяти этихъ мучениковъ вѣры собирали, на мѣстѣ самой кончины, разсѣченные члены и уносили ихъ съ собою, въ разные города, въ свои дома, гдѣ скрывали драгоцѣнныя части до того времени, пока не могли положить ихъ въ храмахъ для всеобщаго поклоненія. Какимъ образомъ могли остаться нетлѣнными эти части св. мощей, сохранившіяся въ различныхъ мѣстахъ и при различныхъ условіяхъ? Очевидно, природа не могла благопріятствовать ихъ нетлѣнію, которое, несомнѣнно, есть чудесное дѣйствіе всемогущества Божія.

Что не природа сохраняетъ св. мощи нетлѣнными, это видно и изъ того, что нетлѣнныя тѣла угодниковъ Божіихъ находили въ различныхъ мѣстахъ, при различныхъ физическихъ условіяхъ, часто весьма благопріятствующихъ тлѣнію, во влажномъ воздухѣ, подъ дѣйствіемъ тепла; находили даже въ моряхъ и рѣкахъ. Преподобный Евстратій печерскій взятъ былъ въ плѣнъ Половцами и проданъ еврею, который измучилъ его, морилъ голодомъ и на праздникъ пасхи бросилъ въ море (1096 г.). Вѣрующіе впослѣдствіи обрѣли его честныя мощи неповрежденными и нетлѣнными, несмотря на то, что онѣ долгое время находились въ водѣ, и привезли въ Кіевъ, гдѣ онѣ почиваютъ понынѣ въ пещерахъ Антоніевыхъ *). Ученикъ преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца, пишетъ, что послѣ кончины и погре-

*) Четьи-Мин. 9-го января.

бенія преподобнаго, одинъ благочестивый мужъ видѣлъ во снѣ, будто бы пришелъ къ нему Сергій и сказалъ: „поди къ игумену моей обители и скажи ему, зачѣмъ они положили меня въ землю, гдѣ мой гробъ стоитъ въ водѣ". И въ самомъ дѣлѣ, когда открыли мощи преподобнаго—чрезъ тридцать лѣтъ послѣ его погребенія (1422 г.)—увидѣли, что гробъ его со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ водою, но святое тѣло его сохранилось цѣло и свѣтло, и самая одежда на немъ нисколько не повредилась отъ воды —Св. мощи находили въ полѣ—на воздухѣ. Тѣло святаго благовѣрнаго князя Глѣба, убитаго приспѣшниками брата его Святополка окаяннаго, около пяти лѣтъ лежало на берегу Днѣпра, на открытомъ воздухѣ, безъ всякой защиты. Однако оно было обрѣтено совершенно нетлѣннымъ и неповрежденнымъ; ни мало не повредилось оно отъ воздушныхъ перемѣнъ и близости воды, не коснулись его ни птицы, ни звѣри плотоядные и сохранилось оно цѣло, какъ живое. Достойны при этомъ примѣчанія послѣдовавшія затѣмъ обстоятельства. Мощи святаго страстотерпца были съ честію перевезены изъ Смоленска въ Вышгородъ и положены вмѣстѣ съ тѣломъ св. князя Бориса въ церкви св. Василія. Вскорѣ въ честь братьевъ-мучениковъ вооруженъ былъ храмъ, въ который торжественно, при безчисленномъ множествѣ народа, перенесены были мощи св. Бориса и Глѣба. Когда открыли раки мощей, тѣла обоихъ оказались бѣлы, какъ снѣгъ, ангельскія лица ихъ сіяли небеснымъ свѣтомъ—и весь храмъ наполнился благоуханіемъ. Кіевскій митрополитъ Георгій, который ранѣе сомнѣвался въ святости Бориса и Глѣба, объятый ужасомъ, палъ предъ гробами мучениковъ, со слезами и раскаяніемъ исповѣдуя всенародно свое заблужденіе и умоляя св. мучениковъ о прощеніи. Митрополитъ не устыдился признаться предъ

всѣмъ народомъ въ своемъ грѣхѣ, какъ скоро осязательно и твердо убѣдился въ нетлѣніи св. мощей Бориса и Глѣба. Взявъ руку св Глѣба и облобызавъ ее, митрополитъ прилагалъ ее къ своимъ очамъ и сердцу и благословлялъ ею князей по очереди. Это событіе, такъ торжественно и всенародно совершившееся, всѣмъ въ свое время подробно извѣстное и подробно описанное, нельзя, конечно, считать обманомъ, или баснею [1]). Въ полѣ же найдены были нетлѣнныя мощи св. Макарія, митрополита Кіевскаго, который на дорогѣ изъ Вильны въ Кіевъ былъ настигнутъ татарами, мученически убитъ ими и брошенъ въ полѣ (1487 г.). Мощи его перевезены въ Кіевъ и доселѣ нетлѣнно почиваютъ въ Софійскомъ соборномъ храмѣ [2]). —Св. мощи находили на камняхъ. Такъ, напримѣръ, тѣло преподобнаго Антонія Римлянина лежало 450 лѣтъ въ каменномъ гробѣ подъ поломъ, поверхъ земли. Его нашли на камнѣ нетлѣннымъ и самый покровъ на немъ остался въ цѣлости [3]). Мощи св. Аѳанасія Аѳонскаго (980 г.) найдены были нетлѣнными подъ мусоромъ развалившагося церковнаго зданія; мощи священномученика Автонома (313 г.) подъ грудою камней [4]). Мощи св Іакова Боровицкаго въ 1540 году принесены были на льдинѣ на рѣкѣ Мстѣ, противъ ея теченія, и пристали къ порогу Боровицкому. Жители положили ихъ въ обрубѣ, и потомъ перенесены онѣ были въ Боровецкій Духовъ монастырь; а въ 1657 г. патріархъ Никонъ пересесъ ихъ въ г. Валдай, въ Иверскій монастырь [5]). Преподобные отцы наши: Авраамій,

[1]) Странникъ, 1861 г. ч. 3, стр. 76—77.
[2]) О нетлѣніи св. мощей. Протопопова, стр. 28.
[3]) Странникъ, 1861 г, ч 4, стр. 234.
[4]) О нетлѣніи мощей. Протопопова, стр. 38.
[5]) Странникъ, 1860 г. ч. 4, стр. 235.

Леонтій и Іаковъ Ростовскіе, Никита и Даніилъ Переяславскіе, Никита Новгородскій и нѣкоторые другіе жили посреди водъ мутныхъ, гнилыхъ, наполненныхъ гадами, и по кончинѣ своей погребены были въ той же топкой, болотной мѣстности. По естественному порядку вещей тѣла ихъ должны были бы истлѣть въ самомъ непродолжительномъ времени. Однако чрезъ долгое время мощи этихъ угодниковъ Божіихъ были обрѣтены нетлѣнными, каковыми и остаются доселѣ, сохраняемыя чудодѣйственной силою Божіею. Св. мощи Митрофана, перваго епископа Воронежскаго (1703 г.), находились въ грунтѣ влажнаго чернозема 128 лѣтъ и при торжественномъ открытіи ихъ въ 1832 году найдены совершенно нетлѣнными *). Въ 1842 г., по случаю сооруженія въ Задонскомъ монастырѣ новаго храма въ честь Владимірской иконы Богоматери, встрѣтилась надобность разобрать ветхій каменный храмъ и алтарь, подъ которымъ въ склепѣ былъ погребенъ (1783 г.) св. Тихонъ, епископъ Задонскій, и перенесть гробъ его въ другое мѣсто. При этомъ оказалось, что склепъ, подъ которымъ покоились мощи святителя, отъ давности времени и отъ сырости обвалился, гробовая крышка раздавлена кирпичами и самый гробъ близокъ былъ къ разрушенію; между тѣмъ тѣло святителя, несмотря на 60-лѣтнее пребываніе въ сыромъ мѣстѣ, найдено совершенно нетлѣннымъ; не подверглись тлѣнію и самыя одежды, надѣтыя на него передъ смертію, а лишь пожелтѣли отъ времени. Послѣ перваго обрѣтенія, тѣло святителя Тихона оставалось внѣ земли, совершенно въ другихъ условіяхъ. 14 лѣтъ находилось оно въ тепломъ храмѣ подъ вліяніемъ комнатнаго, часто удушливаго воздуха; потому что въ этомъ храмѣ, за постройкой новаго

---

*) О нетлѣніи св. мощей. Протопопова, стр. 32—33.

собора, совершалось праздничное соборное богослуженіе, среди множества народа, собиравшагося и для поклоненія мощамъ почитаемаго святителя. Несмотря, однако, и на эти новыя условія, тѣло святителя оставалось такимъ же, какимъ оно найдено было во гробѣ во время перваго его обрѣтенія *). Не очевидно ли, что это нетлѣніе есть чудо и дѣло благодати Христовой. Свящ. **С. Мухинъ.**

Нѣсколько словъ о такъ-называемыхъ стѣнныхъ публичныхъ читальняхъ.

Въ столичныхъ городахъ, С.-Петербургѣ и Москвѣ, а также и въ Кіевѣ устроены такъ-называемыя стѣнныя публичныя читальни. Въ особыхъ рамкахъ выставляются воскресныя или праздничныя евангельскія чтенія, съ краткимъ изъясненіемъ ихъ; житіе какого нибудь особенно чтимаго святаго, наставленіе какъ подобаетъ христіанину проводить дни масляницы, великій постъ и т. п. По газетнымъ извѣстіямъ видно, что читающихъ подобныя религіозно-нравственныя наставленія бываетъ всегда очень много. Около стѣнной читальни всегда можно встрѣтить людей разныхъ сословій и возрастовъ. Въ праздничные дни читающіе просто толпятся около читальни. Это отрадное явленіе, свидѣтельствующее о великой потребности народа въ нравственно-назидательномъ чтеніи, невольно наводитъ не мысль—нельзя-ли ввести то же самое и въ нашихъ селахъ? Если въ городахъ, гдѣ преимущественно народъ грамотный и всегда имѣющій возможность достать книжку и почитать ее, съ такою охотою толпится около читаленъ, то у насъ—въ селахъ, гдѣ грамотѣевъ не очень много, а

---

*) Жит. св Тихона. Спб. 1862 г.

книгъ еще меньше, подобныя стѣнныя читальни еще болѣе возбуждали-бы интересъ въ простолюдинѣ и могли-бы принести много пользы. Чѣмъ занимается нашъ простой народъ въ праздники, особенно люди молодые? Большею частію проводятъ время въ играхъ и разныхъ забавахъ. Вслѣдъ за молодежью выходятъ на улицу и старички потолковать съ сосѣдомъ или пріятелемъ о томъ, о семъ. Весь этотъ праздный людъ съ удовольствіемъ почиталъ-бы находящееся у него подъ руками религіозно-нравственное наставленіе, и прочиталъ-бы не однажды, а нѣсколько разъ, слѣдовательно лучше-бы и усвоилъ прочитанное, чѣмъ однажды услышанное въ храмѣ. Неграмотный можетъ попросить грамотнаго почитать ему выставленное наставленіе. Нынѣ почти въ каждомъ селѣ есть школы, слѣдовательно есть и грамотѣи. Эти грамотѣи съ удовольствіемъ будутъ читать неграмотнымъ. Мы знаемъ, съ какимъ увлеченіемъ читаетъ грамотѣй-крестьянинъ какую нибудь божественную книжку своимъ неграмотнымъ собратамъ и съ какимъ вниманіемъ слушаютъ его окружающіе. Притомъ, гдѣ есть школа, тамъ священникъ можетъ нарочно заставлять учениковъ читать другимъ выставленныя назиданія, и даже можетъ по очереди назначать на каждый праздникъ одного или двухъ мальчиковъ къ каждой читальнѣ, напередъ самъ съ ними въ школѣ прочитавъ и разъяснивъ содержаніе статьи, имѣющей быть выставленной въ читальнѣ. Всѣ религіозно-нравственныя статьи, предназначаемыя для стѣнныхъ читаленъ, должны быть кратки и напечатаны на одной страницѣ законченными, и наклеены на твердую картонную бумагу. Чтобы предохранять листки отъ сырости и порчи, нужно вставлять ихъ въ рамки за стекло и ставить въ сухомъ мѣстѣ, устроивъ для сего навѣсъ, въ родѣ маленькой часовни. Наканунѣ праздника псаломщикъ, или

даже церковный сторожъ можетъ вставлять эти листки въ рамки, а послѣ праздниaа вынимать, или оставлять даже на цѣлую недѣлю. Большихъ расходовъ не потребуется на пріобрѣтеніе листковъ и расходы эти могутъ быть сдѣланы на счетъ церкви, безъ всякаго для церкви ущерба. Совѣтуютъ же нынѣ заводить церковныя библіотеки для религіозно-нравственнаго чтенія народа и для внѣ церковныхъ собесѣдованій. Но покупка книгъ, хотя и не дорогихъ, для церковной библіотеки, будетъ стоить дороже, чѣмъ листки, для стѣнныхъ читаленъ. Книжки скоро рвутся и теряются, а листки, наклеенные на картонѣ, при аккуратной наблюдательности за ними, будутъ вестись долго и составятъ порядочную церковную библіотеку, вполнѣ удовлетворяющую религіозно-нравственному чтенію народа. Хорошо выставлять листки и въ храмѣ или въ караулкѣ. Народъ отъ утрени до обѣдни не весь расходится по домамъ; далеко живущіе отъ храма, большею частію, остаются дожидаться обѣдни въ храмѣ или въ караулкѣ, и вотъ въ это время съ удовольствіемъ будутъ читаться выставленные листки. Составлять религіозно-нравственныя статьи для стѣнныхъ читаленъ можетъ само духовенство. Оно можетъ изъяснять воскресныя и праздничныя евангельскія чтенія; писать о жизни и подвигахъ святыхъ и проч.

Но намъ на это скажутъ, чѣмъ заводить подобныя затѣи, т.-е. печатать листки, устраивать рамки и т. п., не удобнѣе-ли и не проще-ли говорить каждую службу проповѣди въ храмѣ или открывать внѣцерковныя собесѣдованія? Хорошо то и другое и третье. Одно другому не повредитъ. Между прочимъ, почему не ввести и стѣнныя читальни, если на это не потребуется большихъ расходовъ и трудовъ? Проповѣдь въ храмѣ не всѣ могутъ слышать, потому что не всѣ бываютъ у богослуженія, да и не всѣ

хорошо усвоятъ сказанное только однажды; внѣцерковныя же собесѣдованія не вездѣ ведутся, да и тамъ, гдѣ ведутся, не всегда могутъ вестись аккуратно; иногда священникъ занятъ требоисправленіемъ, а иногда бываетъ нездоровъ и собесѣдованіе оставляется; кромѣ же священника вести ихъ въ приходѣ почти некому; причтъ нашъ, въ особенности гдѣ нѣтъ псаломщиковъ изъ кончившихъ курсъ семинаріи, не вездѣ бываетъ способенъ помогать священнику въ его трудахъ по религіозно-нравственному назиданію народа. Даже діаконы на дѣлѣ далеко не являются помощниками священнику въ дѣлѣ учительства.

Свящ. **А. Коронатовъ.**

Къ вопросу о преподаваніи церковно-славянской грамоты въ церковно-приходской школѣ.

Вопросъ о преподаваніи церковно-славянской грамоты въ начальной народной школѣ за послѣдніе 20—30 лѣтъ успѣлъ пережить нѣсколько кризисовъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, когда могли распространяться правильно организованныя народныя школы, церковно-славянской грамотѣ отведено было самое послѣднее мѣсто въ курсѣ начальнаго обученія. Сообразно съ этимъ и методика обученія церковно-славянскому языку разработывалась очень мало, при томъ же и въ ненадлежащемъ направленіи. Такъ продолжалось дѣло до восьмидесятыхъ годовъ, до появленія школъ церковно-приходскихъ, которыя возвратили церковно-славянской грамотѣ подобающее мѣсто въ начальномъ обученіи. Подъ вліяніемъ ихъ и другія начальныя школы обратили болѣе серьезное вниманіе на обученіе данному предмету. Подобная же перемѣна произошла и въ методикѣ начальнаго обученія: обученіе церковно-сла-

вянскому языку въ народной школѣ стало разработываться тщательнѣе, появилось не мало спеціальныхъ разъясненій по этому вопросу, особенно въ органѣ церковной школы, журналѣ „Церковно-приходская школа“, такъ что къ настоящему времени можно уже составить нѣкоторое цѣлостное воззрѣніе на постановку преподаванія этого важнѣйшаго предмета въ народномъ образованіи.

Предлагаемая замѣтка не имѣетъ въ виду дать что-нибудь новое, оригинальное по данному вопросу: мы постараемся только собрать и по возможости объединить выработанное въ этой области по частямъ.

Церковно-славянская грамота занимаетъ совершенно исключительное положеніе въ русской народной школѣ. Всякій знаетъ, какой смыслъ и значеніе имѣетъ занятіе въ ней роднымъ языкомъ, никто не сомнѣвается въ полезности изученія въ школѣ ариѳметики; но относительно церковно-славянской грамоты могутъ возникнуть еще недоумѣнія. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, учиться церковно-славянскому языку, когда онъ языкъ не живой уже и разговорный, и даже не литературный-современный? Занятіе имъ, повидимому, только лишнее обремененіе учащихся. Такъ именно и посмотрѣли на это дѣло лица, организовавшія „правильную“ народную школу въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія: они почти совсѣмъ исключили церковно-славянскую грамоту изъ курса школьнаго обученія, а если и допускали ее, то въ такихъ незначительныхъ дозахъ, что занятіе ею не имѣло почти никакого смысла. И не мало прошло лѣтъ прежде, чѣмъ сознана была эта ошибка, этотъ важнѣйшій недосмотръ въ организаціи народнаго образованія. Увлекаясь иностранными образцами, организаторы народнаго обученія какъ-бы забывали, что они должны создавать русскую народную

школу на русской почвѣ, что они должны сообразовать свои планы съ потребностями и особенностями русской народной жизни. А эта жизнь въ своей длинной исторіи выработала совсѣмъ иной взглядъ на церковно-славянскую грамоту, нисколько не похожій на тотъ, который хотѣли привить ей европейски-просвѣщенные руководители. Эту грамоту она ставила на первый, а не на послѣдній планъ въ дѣлѣ начальнаго обученія: нашъ православный народъ только того считалъ настоящимъ грамотѣемъ, кто умѣлъ читать божественныя книги на церковно-славянскомъ языкѣ. Такой народный взглядъ на значеніе церковно-славянской грамоты вполнѣ совпадаетъ съ ея историческимъ значеніемъ. Извѣстно, что наша первоначальная письменность, наши первыя книги были церковно-славянскія, наша грамотность была грамотность исключительно въ области церковно-славянскаго языка. Такъ продолжалось отъ времени принятія христіанства при св. Владимірѣ до Петра Великаго, который ввелъ въ употребленіе такъ-называемый гражданскій шрифтъ. Но этотъ новый видъ письменности, эта новая грамота стала распространяться и развиваться только въ верхнихъ слояхъ русскаго образованнаго общества; простой же народъ продолжалъ учиться чтенію церковно-славянскому, продолжалъ читать по преимуществу церковно-славянскія книги. Такъ велось дѣло и во всѣхъ народныхъ —правительственныхъ и частныхъ—домашнихъ школахъ до введенія земскихъ учрежденій, до открытія такъ-называемыхъ земскихъ школъ, которыя ввели у себя новые пріемы и формы начальнаго обученія. Принимая во вниманіе одно только это историческое значеніе церковно-славянскаго языка, народная школа не имѣетъ права игнорировать его, низводя на самое послѣднее мѣсто въ ряду учебныхъ предметовъ своего курса.

Но церковно-славянскій языкъ для нашего народа имѣетъ еще и другое болѣе важное значеніе, которое также должно быть принято во вниманіе при организаціи народнаго образованія, при опредѣленіи того, чему слѣдуетъ учить въ начальныхъ народныхъ школахъ. Не нужно забывать, что мы имѣемъ дѣло съ языкомъ церковно-славянскимъ, т.-е. съ такимъ языкомъ, который имѣетъ живое примѣненіе и въ настоящее время въ нашей православной Церкви, чѣмъ собственно и опредѣляется особенное значеніе церковно-славянской грамоты для нашего православнаго народа. Для него этотъ языкъ не только историческій памятникъ его прежняго книжнаго образованія, но языкъ той вѣры, которою живетъ онъ и въ настоящіе дни. Народъ постоянно слышитъ его въ храмѣ Божіемъ, куда приходитъ помолиться; на немъ же совершаются и всѣ другія частныя и домашнія молитвословія; наконецъ на этомъ же языкѣ нашъ простой православный человѣкъ привыкъ читать тѣ „божественныя" книги, въ которыхъ онъ находитъ наилучшее духовное назиданіе Такимъ образомъ церковно-славянская грамота для простого православнаго человѣка окружена особеннымъ ореоломъ святости; съ этою грамотою связываются наивысшія проявленія его духовной жизни. Какъ же теперь смотрѣть на русскую начальную школу, предназначенную для нашего православнаго народа,—школу, низводящую на самый заднiй планъ обученіе церковно-славянскому языку и тѣмъ совершенно игнорирующую коренныя потребности духовной жизни этого народа? Не считать ли эту школу стоящею на ложной дорогѣ?

Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, повидимому, вполнѣ естественъ и очевиденъ; между тѣмъ нужно было двадцать лѣтъ, чтобы сознана была эта ошибка въ постановкѣ начальнаго народнаго образованія. Только въ восьми-

десятыхъ годахъ стали отводить церковно-славянскому языку большее мѣсто въ курсѣ начальной школы. Защитницей попранныхъ правъ церковно-славянской грамоты въ особенности выступила школа церковно-приходская, а за ней стали исправляться въ этомъ отношеніи и другія школы. По требованію программы церковно-приходскихъ школъ, церковно-славянскій языкъ становится самостоятельнымъ, отдѣльнымъ отъ русскаго языка, учебнымъ предметомъ; для него отводятся особые четыре часовыхъ урока въ недѣлѣ

Дѣлая церковно-славянскій языкъ предметомъ самостоятельнымъ и отводя для занятій имъ особые часы, церковно-приходская школа, очевидно, имѣетъ возможность дать учащимся большія знанія по этому предмету и осуществить то значеніе, какое онъ долженъ имѣть въ кругѣ начальнаго народнаго образованія. Что же именно можетъ и должна дать школа въ этомъ отношеніи, каково должно быть знаніе церковно-славянскаго языка, вынесенное изъ нея учащимися?

Начальная школа можетъ собственно только научить своихъ питомцевъ читать по церковно-славянски и чрезъ то пользоваться тѣмъ, что даетъ для ихъ ума и сердца церковно-славянская грамота. Но подъ этимъ общимъ терминомъ „читать“ нужно разумѣть слѣдующія частныя умѣнія, которыя должна дать своимъ ученикамъ школа. Во-первыхъ, дѣти должны твердо усвоить механизмъ церковно-славянскаго чтенія, должны читать свободно, правильно и въ извѣстной степени бѣгло всякую предложенную имъ церковно-славянскую книгу; во-вторыхъ, дѣти должны быть пріучены къ надлежащей выразительности при церковно-славянскомъ чтеніи *); въ-третьихъ, школа должна научить

*) Какова должна быть выразительность чтенія по церковно-славянски, объ этомъ мы скажемъ ниже.

учащихся и возможно-доступному для нихъ пониманію читаемаго церковно-славянскаго текста, и наконецъ, самое главное, школа должна воспитать въ учащихся благоговѣйное отношеніе къ этому въ извѣстномъ смыслѣ священному языку; должна вести дѣло обученія такъ, чтобы дѣти воспитывались чрезъ него въ религіозно-нравственномъ направленіи, чтобы они не только учились, но и назидались духовно.

Достигнуть всего этого въ надлежащей степени, очевидно, дѣло не легкое; нужны для сего лучшія и цѣлесообразнѣйшія средства. Посему для церковно-приходской школы особенно важна болѣе или менѣе обстоятельная разработка всѣхъ вопросовъ, касающихся постановки обученія церковно-славянскому чтенію.

Первый вопросъ, на которомъ должна остановить свое вниманіе методика обученія церковно-славянскому языку, это вопросъ о томъ, съ какой грамоты начинать въ школѣ обученіе чтенію,—съ русской, или съ церковно-славянской. Когда устраивались земскія школы, т.-е. лѣтъ 25-ть тому назадъ, этотъ вопросъ категорически разрѣшался въ пользу русской грамоты; теперь же, съ поднятіемъ значенія церковно-славянскаго языка въ начальномъ обученіи, раздаются нерѣдко настойчивые голоса о необходимости начинать обученіе съ церковно-славянскаго языка. Такъ по крайней мѣрѣ, говорятъ, должно вестись дѣло въ школахъ церковно-приходскихъ. И нѣкоторые епархіальные училищные совѣты (напр. Харьковскій), внимая этимъ голосамъ, издаютъ обязательныя постановленія для своихъ школъ въ пользу такого именно порядка обученія. Нѣтъ сомнѣнія, что такого рода сужденіями руководитъ мысль объ указанномъ нами выше историческомъ и религіозно-нравственномъ значеніи церковно-славянской грамоты для нашего православнаго

народа: защитники такого порядка обученія очевидно думаютъ, что только такимъ путемъ можно дать въ школѣ подобающее значеніе церковно-славянской грамотѣ. Но намъ кажется, что такое мнѣніе ошибочно. Значеніе церковно-славянскаго языка въ школьномъ обученіи вовсе не зависитъ отъ того, что съ него будетъ начинаться обученіе чтенію, а отъ дальнѣйшей постановки и организаціи его преподаванія,—зависитъ не отъ того, какъ будутъ усвоены дѣтьми первоначальные элементы церковно-славянскаго чтенія, а отъ дальнѣйшихъ уроковъ, отъ того, насколько умѣло они будутъ ведены. Вполнѣ возможно, что, начавъ и съ церковно-славянскаго чтенія, мы въ концѣ курса достигнемъ ничтожныхъ результатовъ, и наоборотъ, начавъ съ чтенія русскаго, дадимъ дѣтямъ надлежащія умѣнья въ области чтенія церковно-славянскаго. Въ виду всего этого, по нашему мнѣнію, не цѣлесообразно обязывать учителей церковно-приходскихъ школъ начинать обученіе чтенію непремѣнно съ церковно-славянской грамоты. Но съ другой стороны также не удобно было бы обязывать начинать непремѣнно съ русской грамоты, ибо среди персонала учителей церковно-приходскихъ школъ всегда могутъ найтись лица, которыя, благодаря долголѣтней практикѣ, пріобрѣли навыкъ въ обученіи по церковно-славянски; посему для нихъ новые пріемы были-бы обременительны, да и въ занятія ихъ они внесли бы только путаницу. Итакъ, предоставимъ каждому учителю самому разрѣшать поставленный вопросъ: какъ онъ находитъ для себя лучше и удобнѣе, такъ пусть и дѣлаетъ.

Такъ смотритъ на дѣло и программа церковно-приходскихъ школъ: она не дѣлаетъ обязательнымъ ни того, ни другого,—пріемы и выборъ ихъ предоставляетъ личному усмотрѣнію и опытности учащихъ. „Въ церковно-приход-

ской школѣ, говорится въ объяснительной запискѣ къ преподаванію церковно-славянской грамоты, желательно было бы начинать обученіе прямо съ церковно-славянской азбуки. Но въ виду затрудненій, какія можетъ вызвать употребленіе при этомъ стариннаго способа, предоставляется право обучать церковно-славянской грамотѣ послѣ русской. Лицамъ же убѣжденнымъ и опытнымъ отнюдь не возбраняется начинать обученіе съ церковно-славянской азбуки въ древлеуложенномъ порядкѣ и съ подлинными названіями буквъ" *).

Предположимъ теперь, что въ школѣ обученіе начинается съ церковно-славянской азбуки. Какимъ же путемъ вести это обученіе?

Показывать ученикамъ механизмъ чтенія, пользуясь звуковымъ способомъ, не возможно; потому что звуковой методъ, въ приложеніи къ церковно-славянскому чтенію, совершенно не разработанъ въ нашей педагогической литературѣ. Поэтому при данномъ порядкѣ обученія по необходимости придется пользоваться стариннымъ буквосочетательнымъ способомъ. Но этотъ способъ, какъ извѣстно, пользуется очень незавидной репутаціей въ современной методикѣ: говорятъ, что онъ и труденъ и вреденъ для учащихся, способствуетъ не развитію ихъ, а отупѣнію и т. п. Вообще такой способъ, говорятъ, не мыслимо употреблять въ современной школѣ,—употреблять теперь, когда выработаны несравненно лучшіе и цѣлесообразные пріемы. Какъ же выйти изъ этого затрудненія, не отказываясь начинать обученіе съ церковно-славянской азбуки? Какъ соблюсти основныя требованія методики, не отказываясь отъ пользованія буквослагательнымъ способомъ? Выходъ изъ такого, повидимому, затруднительнаго положенія

---

*) Программы учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ—изданіе Владим. Епарх. Вѣд 1886 г. стр. 34.

есть, да и положеніе это вовсе не такъ затруднительно, какъ это можетъ показатся съ перваго взгляда.

Прежде всего нужно замѣтить, что значительная доля обвиненій, направленныхъ противъ буквосочетательнаго способа, должна быть отнесена не къ этому способу, не его существу, а скорѣе къ неумѣлому употребленію его неумѣлыми учителями. Этотъ способъ имѣлъ широкое распространеніе въ такое время и въ средѣ такихъ учителей, которые не имѣли никакой правильной подготовки къ учительству, не имѣли даже нерѣдко и общаго образованія, а были простые грамотѣи. Естественно, что подъ ихъ руководствомъ учиться читать было трудно, дѣло велось медленно, и результаты обученія, сравнительно съ затрачиваемымъ на него трудомъ, были ничтожны; но вѣдь таковы же были бы результаты и въ томъ случаѣ, если бы эти учителя стали пользоваться усовершенствованными способами.—Слѣдовательно, при улучшенномъ составѣ учителей примѣненіе букво-сочетательнаго способа едва-ли можетъ принести какой-либо существенный вредъ дѣлу обученія. Кромѣ того, въ настоящее время есть возможность обойти и чисто-дидактическія трудности этого стариннаго способа,—пользоваться имъ въ улучшенномъ и исправленномъ видѣ. Этимъ исправленіемъ мы обязаны директору инородческой учительской семинаріи въ Казани г. Ильминскому, руководствомъ котораго пользуются церковно-приходскія школы. Примѣняя исправленный буквосочетательный способъ въ начальной школѣ при подвѣдомой ему семинаріи, г. Ильминскій научаетъ читать такъ же скоро и легко, какъ это дѣлается и при пользованіи звуковыми способами. Познакомимся же съ этимъ интереснымъ и поучительнымъ опытомъ *).

---

*) Послѣдовательное изложеніе этого способа—см. въ журналѣ

Въ основу своего способа г. Ильминскій считаетъ необходимымъ поставить слѣдующія общія положенія въ качествѣ руководящихъ принциповъ:

1) „Со стороны учениковъ должны дѣйствовать вѣра и послушаніе учителю. Ученики должны слѣдовать за учителемъ шагъ за шагомъ постепенно, не торопясь и не забѣгая впередъ“.

Этимъ положеніемъ разбираемый здѣсь старинный способъ обученія противополагается новымъ способамъ въ своемъ основномъ принципѣ. Современные способы стремятся вызвать во всемъ и вездѣ самостоятельное разсужденіе учащихся, устраняя принципъ вѣры и подчиненія авторитету, а такая постановка обученія едва-ли цѣлесообразна и полезна по отношенію къ такому предмету, какъ церковно-славянская грамота.

2) „Учитель долженъ всячески содѣйствовать религіозному взгляду учащихся на предметъ ихъ изученія: въ его лицѣ, положеніи, манерѣ, разговорѣ и во всей его внѣшности должно свѣтиться религіозное убѣжденіе, искреннее благоговѣніе или по крайней мѣрѣ серьезность: напротивъ, игривость, комичность, шутки—отнюдь не допускаются“.

Смыслъ этого положенія будетъ понятенъ, если мы примемъ во вниманіе религіозно-нравственное значеніе церковно-славянскаго языка. Это значеніе требуетъ, чтобы и во внѣшнемъ поведеніи учителя не было ничего унижающаго или профанирующаго данный предметъ.

3) „При объясненіи буквенныхъ начертаній лучше избѣгать показыванія ихъ на себѣ, положеніями тѣла (наприм. фертъ), дабы не дать повода къ комическимъ позамъ“.

„Церк.-приходская Школа“, 1888 г., кн. 6 и 7,—„обученіе грамотѣ по церковно-славянской азбукѣ“.

Этотъ пунктъ, очевидно, только пополняетъ предыдущій въ примѣненіи къ частностямъ обученія.

4) „Учитель, прочитывая впередъ учениковъ, долженъ своимъ произношеніемъ показывать не только вѣрность буквенную, но и логическое удареніе и голосоведеніе“.

Здѣсь, очевидно, имѣется въ виду прежній недостатокъ, господствовавшій при обученіи чтенію букво-слагательнымъ способомъ. Учащіе по собственной неразвитости сообщали ученикамъ только механизмъ чтенія, заботились только о томъ, чтобы ученики быстро и бойко читали, о соблюденіи же логическихъ ударeній, о соотвѣтственномъ повышеніи и пониженіи голоса, они и сами не имѣли понятія и ученикамъ своимъ ничего не сообщали. Современная школа не можетъ уже терпѣть этихъ недостатковъ.

5) „Преподаваніе можетъ и должно быть только классное, т.-е. относиться къ цѣлому классу, а не къ отдѣльнымъ ученикамъ“.

И это положеніе также имѣетъ въ виду одинъ изъ существенныхъ недостатковъ старой школы. Тамъ господствовало одиночное обученіе, гдѣ каждый ученикъ дѣлалъ свое дѣло, нисколько не сообразуясь съ занятіями своихъ товарищей: одинъ, напр., читалъ еще только азбуку, другой училъ уже склады, а третій читалъ часословъ, четвертый писалъ и т. п. Учитель также руководилъ каждымъ ученикомъ въ отдѣльности. Если принять еще во вниманіе, что каждый ученикъ дѣлалъ свое дѣло въ слухъ, старался читать возможно громче, отчего на урокахъ въ школѣ постоянно стоялъ невообразимый шумъ, то очевидно здѣсь не могло быть и рѣчи объ общемъ дѣлѣ, объ общемъ ходѣ обученія, объ общемъ вниманіи учениковъ и пр. Современное обученіе построено на совершенно иныхъ основаніяхъ, которыя носятъ общее названіе классной системы обуче-

нія; посему въ современной школѣ только-что описанный порядокъ вещей не мыслимъ, что, очевидно, и хочетъ сказать нашъ авторъ.

Таковы основныя правила, которыхъ совѣтуетъ держаться г. Ильминскій при обученіи букво-сочететельнымъ способомъ въ настоящее время. Мы видимъ, что здѣсь, во-первыхъ, устанавливается принципъ обученія, болѣе соотвѣтствующій духовной жизни русскаго православнаго народа, чѣмъ принципъ, заимствованный изъ иностранной школы; во-вторыхъ, высказывается особенная заботливость о религіозно-нравственномъ воспитательномъ воздѣйствіи церковно-славянской грамоты на учащихся; и наконецъ, въ-третьихъ, устраняются нѣкоторые существенные недостатки въ ходѣ обученія старой школы,—недостатки, связанные съ употребленіемъ букво-сочетательнаго способа, но не неизбѣжные при употребленіи его. Принявъ во вниманіе эти руководящія правила, не трудно будетъ и при пользованіи букво-сочетательнымъ способомъ организовать школьное обученіе не хуже, чѣмъ въ школѣ съ новыми усовершенствованными способами. Самый ходъ обученія чтенію по этому способу г. Ильминскій раздѣляетъ на слѣдующія четыре ступени.

Первая ступень. „Азбука въ установленномъ порядкѣ названія буквъ и ихъ начертаній“.

Вторая ступень. „Читаемое значеніе всѣхъ подрядъ буквъ въ отдѣльныхъ складахъ“.

Третья ступень. „Чтеніе цѣльныхъ словъ, какъ отдѣльныхъ и разрозненныхъ понятій, съ удареніемъ и сокращеніями“.

Четвертая ступень. „Чтеніе цѣлыхъ мыслей и предложеній: наиболѣе употребительныхъ молитвъ и краткихъ выраженій изъ священнаго Писанія, церковно-богослужебныхъ книгъ и Четьи-Миней“?

Сущность дѣла на первой ступени заключается въ томъ, чтобы ученики твердо усвоили названія буквъ церковно-славянской азбуки въ алфавитномъ порядкѣ и отчетливо запомнили ихъ очертанія. Для того, чтобы не затруднить учениковъ заучиваніемъ всей азбуки подрядъ, ее раздѣляютъ на небольшія группы, примѣрно по три буквы въ группѣ. Такую группу заучиваютъ заразъ; заучивъ одну группу, переходятъ къ другой, при чемъ непремѣнно повторяется и первая. Самое дѣло ведется такимъ образомъ: „учитель раздѣльно и явственно говоритъ, а ученики за нимъ повторяютъ: азъ, буки, вѣди. Ученики повторяютъ по одиночкѣ, и всѣ вмѣстѣ—хоромъ, пока всѣ правильно будутъ произноситъ: азъ, буки, вѣди. Такъ идетъ дѣло до конца заучиванія названій всей азбуки. Параллельно съ усвоеніемъ названій буквъ ученики должны запоминать и очертанія ихъ: заучивъ названія какой-либо группы буквъ, ученики тотчасъ же вслѣдъ за этимъ знакомятся и съ очертаніями ихъ. Для облегченія же запоминанія—начертаніе буквъ предлагается ученикамъ сначала въ упрощенномъ видѣ, „въ ихъ существенномъ составѣ безъ всякихъ прибавокъ и украшеній“, напр., вмѣсто печатной церковно-славянской буквы А, ученикамъ показывается такъ сказать схема ея, вмѣсто Б — упрощенный видъ ея, вмѣсто довольно фигурнаго В —, которое легче запомнить и т. д. Показывая упрощенную фигуру каждой буквы, учитель при этомъ объясняетъ составъ ея: показывая напр. букву, учитель такъ объясняетъ ея составъ: „палочка косвенно справа налѣво, другая примыкаетъ къ ней сверху и идетъ направо, а третья поперечная полочка отъ низу лѣвой упирается въ средину правой“. Въ томъ же родѣ объясняется составъ и всѣхъ остальныхъ буквъ цер-

ковно-славянской азбуки. Для того же, чтобы ученики возможно тверже запомнили фигуры буквъ, ихъ заставляютъ чертить на своихъ доскахъ показанныя буквы и наизусть разсказывать составъ каждой изъ нихъ. Послѣ того, какъ названія буквъ и ихъ упрощенныя очертанія будутъ основательно усвоены, учитель знакомитъ учащихся съ тѣми начертаніями буквъ, какія обыкновенно употребляются въ церковно-славянскихъ книгахъ,—съ начертаніями буквъ строчныхъ и прописныхъ. Это знакомство можно дѣлать сначала по спеціально-приготовленнымъ для сего таблицамъ, а потомъ указывать настоящія буквы въ книгахъ. Этимъ и заканчиваются занятія первой ступени.

Уже на этой первой ступени ясно замѣтны тѣ улучшенія, какія внесены г. Ильминскимъ въ нашъ старинный буквосочетательный способъ. Этому способу ставили въ упрекъ, что онъ слишкомъ обременяетъ только что начинающихъ учиться дѣтей заучиваніемъ подрядъ многочисленныхъ названій буквъ славянской азбуки и запоминаніемъ довольно сложныхъ очертаній этихъ буквъ; при томъ же запоминаніе идетъ совершенно механически, безъ всякихъ вспомогательныхъ поясненій учителя. Г. Ильминскій устранилъ этотъ существенный недостатокъ, предлагая ученикамъ заучивать азбуку по небольшимъ группамъ въ упрощенныхъ очертаніяхъ буквъ и поясняя составные элементы этихъ очертаній. При такихъ условіяхъ трудъ учениковъ несомнѣнно облегчается и становится сознательнѣе; посему нисколько не удивительно, что для такого заучиванія азбуки требуется очень немного уроковъ: по словамъ самого г. Ильминскаго, въ начальной школѣ при подвѣдомой ему Казанской учительской семинаріи мальчики Мордовскаго племени изучили всю азбуку и твердо усвоили начертанія всѣхъ буквъ въ четыре дня, и это усвоеніе не стоило имъ никакого усиленнаго труда.

На второй ступени ученикамъ показывается, какъ должно читать каждую букву, названіе и очертаніе коей изучены на первой ступени. Сначала берутся гласныя буквы, потому что онѣ сами по себѣ отчетливо произносятся; кромѣ того, безъ нихъ невозможно ясное и опредѣленное произношеніе согласныхъ буквъ. Дѣло ведется слѣдующимъ образомъ: учитель беретъ букву А (азъ) и говоритъ, что при чтеніи эту букву нужно произносить какъ *а*, что вмѣсто Є (есть) читается только *е*, что въ буквѣ И (иже) произносится только *и* и т. д. указывается чтеніе всѣхъ гласныхъ буквъ. Когда ученики твердо запомнятъ чтеніе всѣхъ гласныхъ буквъ, учитель обращаетъ вниманіе ихъ на то, что при чтеніи почти всегда берется только начало названія буквы (кромѣ буквъ і, ю, ѧ), а остальное все отбрасывается, напр. азъ=а, иже=и, есть=е, ѵжица=ѵ и пр. Послѣ этого выясняется ученикамъ понятіе о согласныхъ буквахъ, понятіе о томъ, что эти буквы становятся ясно слышимы только въ соединеніи съ гласными буквами, что и при чтеніи ихъ также берется только начало названія буквы, а остальное отбрасывается. Эти общія поясненія подтверждаются примѣрами: берется буква В и читается въ соединеніи со всѣми гласными АВ, ЄВ, ИВ и т. д. и обратно ВА, ВЄ, ВИ и т. д., также показывается чтеніе буквъ Г и Д. На этихъ буквахъ по преимуществу затверживается способъ чтенія согласныхъ буквъ. Далѣе перебираются и остальныя согласныя буквы церковно-славянскаго алфавита: учитель показываетъ напр. ученикамъ букву К (како) и спрашиваетъ, что въ этой буквѣ читается, показываетъ букву П (покой) и спрашиваетъ, какъ она произносится при чтеніи. Если ученики хорошо запомнили способъ чтенія первыхъ согласныхъ буквъ, то они уже безъ затрудненія сами отвѣтятъ на эти вопросы. „Пере-

бравши такимъ образомъ всѣ согласныя буквы и убѣдившись, что ученики твердо усвоили ихъ чтеніе, нужно привести большое количество складовъ съ одной согласной, съ двумя и тремя, такъ притомъ, чтобы изъ нихъ не составлялось цѣльнаго слова. Хотя складовъ будетъ много, но ученики прочитаютъ ихъ легко и скоро *). Послѣ всѣхъ этихъ складовъ, когда ученики уже станутъ свободно и твердо читать ихъ, нужно привести тоже въ видѣ складовъ сочетанія съ полугласными буквами Ъ, Ь, Й". Этимъ и заканчиваются занятія второй ступени.

Улучшенія, предлагаемыя здѣсь нашимъ авторомъ, еще замѣтнѣй и существеннѣе, чѣмъ на первой ступени. Старинный букво-слагательный способъ упрекали въ томъ, что чтеніе складовъ производилось здѣсь совершенно механически: ученики безсмысленно заучивали—буки азъ=ба, вѣди азъ=ва, буки рцы—азъ=бра и т. п., не понимая, какимъ образомъ изъ длинныхъ названій буквъ получаются слоги ба, ва, бра и т. п. Г. Ильминскій, разъясняя вышеуказаннымъ образомъ способъ прочтенія буквъ гласныхъ и согласныхъ, и устраняетъ этотъ существенный недостатокъ, отчего его чтеніе складовъ становится дѣйствительнымъ упражненіемъ, подготовляющимъ учениковъ къ настоящему чтенію,—упражненіемъ, не требующимъ отъ нихъ усиленнаго труда и не исключающимъ сознательности усвоенія механизма чтенія.

На третей ступени читаются уже не склады, а отдѣльныя слова, имѣющія значеніе и смыслъ, напр. въ отдѣльности ли и це, не и ко не имѣютъ значенія, но если эти склады соединить, то получатся осмысленныя слова лице,

---

*) Образцы этихъ складовъ можно встрѣтить во всякомъ церковно-славянскомъ букварѣ.

ніво. Послѣ этого прочитывается рядъ отдѣльныхъ нарочито подобранныхъ для сего славянскихъ словъ. Этимъ собственно и заканчивается ознакомленіе учениковъ съ механизмомъ чтенія. Далѣе учитель знакомитъ ихъ съ особенностями, свойственными только церковно-славянской грамотѣ. Извѣстно, что каждое слово имѣетъ въ церковно-славянской печати свое удареніе, слова, начинающіяся съ гласной буквы, имѣютъ придыханіе, нѣкоторыя слова печатаются сокращенно—подъ титлами. Для правильности славянскаго чтенія необходимо знаніе всего этого, съ чѣмъ ученики и знакомятся практически. Для выясненія значенія ударенія берутся слова, состоящія изъ однихъ и тѣхъ же буквъ, но отъ перестановки ударенія измѣняющія свое значеніе, напр. мука, мука, руки, руки, горы, горы, воды, воды и т. п. Послѣ этого ученики упражняются въ чтеніи подобраннаго для сего цѣлаго ряда именъ (мужскихъ и женскихъ), какими называются православные христіане. Усвоивъ удареніе, ученики далѣе знакомятся съ придыханіемъ; въ качествѣ матеріала для чтенія имъ предлагается также рядъ православныхъ именъ, начинающихся съ гласной буквы.—Въ заключеніе занятій на этой третьей ступени ученикамъ разъясняется значеніе титлы и ея различныхъ видовъ (добро-титла, слово-титла, о-титла, г-титла и др.); разъясненіе дается практически чрезъ чтеніе соотвѣтствующихъ словъ.

На четвертой ступени читаются уже цѣлыя предложенія, заимствованныя по большей части изъ богослужебныхъ послѣдованій, часто слышимыхъ въ церкви. Авторомъ подобранъ рядъ предложеній, которыя не представляютъ особенныхъ затрудненій для пониманія учениковъ, но съ другой стороны эти предложенія не тожественны по формѣ съ русской рѣчью, напр. Помилуй мя Боже. Господи, помози

мнѣ ко ученію. Бога невозможно человѣкомъ видѣти, и т. п.

При чтеніи этихъ предложеній г. Ильминскій рекомендуетъ учителямъ прочитывать ихъ вслухъ ученикамъ „не только осмысленно и выразительно, съ соблюденіемъ логическихъ удареній, но притомъ—тономъ благоговѣйнымъ, умиленнымъ и молитвеннымъ“.

Таковъ способъ рекомендуется г. Ильминскимъ для тѣхъ ц.-приходскихъ школъ, въ которыхъ обученіе чтенію начинается съ церковно-славянской азбуки. Легко видѣть, что основной недостатокъ стариннаго способа—крайняя механичность обученія здѣсь совершенно устраненъ: каждая ступень представляетъ постепенный и осмысленный шагъ, подготовляющій учениковъ къ надлежащему чтенію тѣхъ церковно-славянскихъ книгъ (Часослова и Псалтири), съ которыми имъ придется ознакомиться въ дальнѣйшемъ ходѣ обученія. Неудивительно поэтому, что усвоеніе самаго механизма чтенія здѣсь получается не въ примѣръ скорѣе и легче, чѣмъ въ „доброе“ старое время.

Въ виду такихъ достоинствъ этого исправленнаго и улучшеннаго буквосочетательнаго способа естественно пожелать примѣненія его и въ нашихъ церковно-приходскихъ школахъ. Пользованіе имъ не потребуетъ отъ учащаго ни особыхъ дарованій, ни спеціальной подготовки. Намъ кажется, что даже получившій образованіе въ начальной школѣ крестьянскій мальчикъ, подъ руководствомъ священника, можетъ воспользоваться имъ при обученіи чтенію въ домашнихъ школахъ грамоты, гдѣ этотъ способъ будетъ особенно полезенъ.

Покончивъ со способомъ, рекомендуемымъ г. Ильминскимъ, со способомъ, который еще не успѣлъ найти широкаго распространенія въ церковно-приходскихъ школахъ, обратимся теперь къ общепринятымъ въ настоящее время

пріемамъ обученія церковно-славянской грамотѣ въ народной школѣ.

По обычному порядку, въ начальной школѣ сначала учатъ читать по-русски, а потомъ уже по церковно-славянски. Такого же порядка держится и громадное большинство церковно-приходскихъ школъ. Переходъ отъ русскаго чтенія къ церковно-славянскому происходитъ здѣсь тогда, когда ученики усвоили механизмъ русскаго чтенія, т.-е. когда они могутъ разобрать каждое предложенное имъ печатное русское слово, а это можетъ быть или въ концѣ первой половины или въ началѣ второй половины учебнаго года. Ознакомленіе съ механизмомъ церковно-славянскаго чтенія при такомъ порядкѣ идетъ упрощеннымъ и сокращеннымъ, сравнительно съ уроками русскаго чтенія, способомъ: учитель не продѣлываетъ съ учениками всѣхъ тѣхъ звуковыхъ упражненій — слiянія и выдѣленія звуковъ, какія необходимы при первоначальномъ обученіи чтенію. Такія упражненія здѣсь излишни потому, что законы и формы слiянія и раздѣленія звуковъ и въ церковно-славянской грамотѣ тѣ же, что и въ русской. Изъ уроковъ русскаго языка ученики уже знаютъ значеніе звуковъ и буквъ, умѣютъ сливать и раздѣлять первые, умѣютъ по даннымъ буквамъ воспроизводить соотвѣтствующіе звуки, т.-е. прочитывать слово. Для чтенія церковно-славянскаго ихъ нужно ознакомить только съ тѣми особенностями, которыя они встрѣтятъ въ церковно-славянской грамотѣ. Эти особенности заключаются въ азбукѣ, въ надстрочныхъ знакахъ и титлахъ; учитель прямо и приступаетъ къ ознакомленію учащихся со всѣми этими особенностями. Начинаютъ, конечно, съ азбуки. Церковно-славянская азбука заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя буквы, какихъ нѣтъ въ русской азбукѣ; нѣкоторыя буквы, сходныя съ русскими по звуку, отличаются отъ нихъ

по начертанію; наконецъ, большинство буквъ сходны съ русскими и по звуку, и по начертанію. Съ какихъ буквъ начинать знакомить учащихся? Одни говорятъ, что нужно сначала указывать несходныя буквы, а потомъ уже сходныя, другіе же совѣтуютъ держаться обратнаго порядка. И этотъ послѣдній порядокъ гораздо естественнѣе, ибо онъ отвѣчаетъ одному изъ основныхъ требованій дидактики— итти въ обученіи отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Такой порядокъ и принятъ въ большинствѣ русско-славянскихъ букварей. Итакъ, сначала показываются при помощи разрѣзной азбуки буквы, сходныя по звуку и по начертанію съ русскими, напримѣръ: Ии, Іі, Оо, Ыы, Ѣѣ, Юю и др., и тотчасъ вслѣдъ за этимъ предлагаются ученикамъ для прочтенія слова, составленныя изъ показанныхъ буквъ. Затѣмъ постепенно показываются буквы, сходныя съ русскими по звуку, но отличающіяся отъ нихъ по начертанію, напримѣръ: Ꙗꙗ, Є, Ꙋ, и наконецъ быквы, существующія только въ церковно-славянской азбукѣ, какъ напримѣръ Ѕ, Ѱѱ и др. Параллельно этому ученики упражняются въ чтеніи подобранныхъ для сего словъ и предложеній. Послѣ такого частичнаго ознакомленія съ церковно-славянской азбукой, послѣдняя заучивается ученикомъ полностью и въ алфавитномъ порядкѣ. По окончаніи изученія азбуки ученики знакомятся съ вышеупомянутыми надстрочными знаками и титлами. Ознакомленіе ведется практически такъ же, какъ и по методу г. Ильминскаго. При ознакомленіи съ этими знаками не лишнее будетъ заучить наизусть и ихъ техническія названія—„оксія, звательце, исо, варія и др.“.

Этимъ собственно и заканчивается ознакомленіе учениковъ съ механизмомъ церковно-славянскаго чтенія *).

---

*) Практическое приложеніе этого порядка обученія см. въ

Слѣдующія вслѣдъ за симъ упражненія учениковъ въ чтеніи производятся по принятому въ школѣ букварю, или по букварю изд. Св. Синодомъ: читаются сначала молитвы, изученныя ранѣе на урокахъ закона Божія, потомъ краткія изреченія изъ св. Писанія, которыя по формѣ выраженія довольно близки къ русскому тексту и потому не трудны для пониманія. Такой подборъ первоначальнаго матеріала для чтенія по церковно-славянски дѣлается въ тѣхъ видахъ, чтобы пріучить учащихся къ нѣкоторой степени сознательности чтенія на первыхъ же порахъ. Но нѣкоторыя руководства довольно недавняго времени (напр. азбука Бунакова), употреблявшіяся, можетъ быть, и теперь въ нѣкоторыхъ школахъ, дѣлали существенную ошибку на этой ступени обученія церковно-славянскому чтенію. Для того, чтобы облегчить переходъ отъ чтенія русскаго къ славянскому, они давали учащимся сначала русскую рѣчь, напечатанную церковно-славянскимъ шрифтомъ. Такимъ образомъ печатались тѣ же самые разсказцы чисто свѣтскаго характера, которые раньше прочитаны были дѣтьми въ русской азбукѣ. Такой пріемъ, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ двѣ ошибки. Русскій текстъ, напечатанный церковно-славянскими буквами, это—совершенно неестественная вещь, могущая внести путаницу въ представленіе дѣтей о церковно-славянскомъ языкѣ. Не странно-ли, въ самомъ дѣлѣ, упражнять дѣтей въ первоначальномъ чтеніи на такомъ матеріалѣ, какого они впослѣдствіи никогда не встрѣтятъ?! Другая ошибка заключается въ томъ, что по церковно-славянски печатаются статьи чисто свѣтскаго содержанія. Не нужно забывать, что мы имѣемъ дѣло соб-

---

русско-славянскомъ букварѣ Лубенца, принятомъ въ качествѣ учебника въ церковно-приходскихъ школахъ.

ственно съ языкомъ церковно-славянскимъ, а не просто съ славянскимъ,—съ такимъ языкомъ, который имѣетъ свое примѣненіе въ нашей православной Церкви, съ языкомъ въ извѣстномъ смыслѣ священнымъ. И это-то значеніе церковно-славянскаго языка мы должны уяснять дѣтямъ съ самыхъ первыхъ моментовъ обученія ему; слѣдовательно, давать для первоначальнаго чтенія вышеуказаннаго рода статейки значитъ ставить обученіе на первоначальную почву. Притомъ же такого рода статейки излишне даже въ тѣхъ цѣляхъ, для коихъ онѣ предназначаются. Развѣ нельзя подобрать въ церковно-славянскихъ книгахъ такого текста, который былъ бы не совсѣмъ труденъ для пониманія на самыхъ первыхъ порахъ упражненія учащихся въ чтеніи? Что это вполнѣ возможно, то доказываютъ упомянутые нами выше буквари Лубенца и Ильминскаго, въ коихъ подобранъ подобный текстъ Такимъ образомъ, указанный пріемъ пріученія къ церковно-славянской грамотѣ говоритъ только о не совсѣмъ правильномъ пониманіи тѣхъ цѣлей, для коихъ онъ вводится въ курсъ начальнаго обученія.

Но все то, что мы до сихъ поръ говорили относительно постановки обученія церковно-славянской грамотѣ, составляетъ только начало дѣла, или, пожалуй, даже только приступъ къ нему. Попытаемся теперь уяснить дальнѣйшій ходъ школьныхъ занятій этимъ важнымъ предметомъ.

Программа преподаванія церковно-славянскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ указываетъ слѣдующій порядокъ и объемъ занятій этимъ предметомъ: въ первый годъ, по изученіи азбуки, ученики упражняются въ чтеніи употребительныхъ молитвъ по стѣннымъ таблицамъ и въ чтеніи „букваря“ *); во второй годъ идетъ чтеніе избран-

---

*) Такимъ образомъ программа ограничиваетъ занятія на

ныхъ мѣстъ изъ евангелія по книгѣ г. Ильминскаго: „Обученіе церковно-славянской грамотѣ“; потомъ чтеніе по часослову и псалтири. Въ школахъ же двухклассныхъ на третьемъ году продолжается чтеніе часослова и псалтири и прочитывается евангеліе отъ Матѳея; на четвертомъ году идетъ чтеніе остальныхъ трехъ евангелистовъ; изъ учебнаго октоиха, по возможности, прочитывается служба гласа предстоящаго воскреснаго дня; кромѣ сего, ученики приготовляются къ чтенію и пѣнію въ церкви по богослужебнымъ книгамъ. Для прохожденія всего этого курса полагается четыре урока въ недѣлю.

Какія же знанія должны вынести учащіеся церковно-славянской грамотѣ изъ школы? Достоинства вынесенныхъ изъ школы учениками знаній опредѣляются характеромъ самой школы: несомнѣнно, что начальная народная школа можетъ дать только довольно ограниченныя знанія церковно-славянскаго языка. Начальная школа можетъ и должна научить слѣдующему: во-первыхъ, научить свободному и въ извѣстной мѣрѣ бѣглому чтенію всякой церковно-славянской книги, научить чтенію правильному и выразительному,—во-вторыхъ, дать учащимся средства и выработать въ нихъ умѣнье въ извѣстной степени понимать читаемое по церковно-славянски, и наконецъ, главнымъ образомъ, школа должна воспитать въ учащихся благоговѣніе къ церковно-славянскимъ книгамъ, должна пріучить ихъ находить себѣ духовное назиданіе въ этихъ божественныхъ книгахъ *). Послѣдняя мысль прекрасно выражена

первомъ году тѣмъ, что мы изложили только въ качествѣ приступа къ настоящимъ занятіямъ.

*) По поводу этого указанія программы мы считаемъ необходимымъ сказать слѣдующее: практика показываетъ, что въ правильно поставленной школѣ въ первый годъ обученія, если пре-

въ предисловіи къ учебному часослову: „вы же, чада христоименитая, радостно пріемлюще сію книгу (часословъ), тщитеся чести и разумѣти печатаемая: да и чтуще молитеся и молящеся чтете, и тако чтите Бога, да тако вы съ Богомъ глаголете и Богъ съ вами собесѣдуетъ“.

Для достиженія всѣхъ указанныхъ цѣлей преподаванія церковно-славянской грамоты церковно-приходская школа обладаетъ достаточными средствами; нужно только цѣлесообразно пользоваться ими.

Чтеніе свободное и бѣглое достигается, конечно, практикою: чѣмъ больше и чаще ученики читаютъ, тѣмъ свободнѣе становится ихъ чтеніе; а для такой практики вполнѣ достаточно отведенныхъ программою четырехъ уроковъ въ недѣлю. Правильность чтенія по церковно-славянски также выработывается практикой. При этомъ нужно замѣтить, что правильность церковно-славянскаго чтенія имѣетъ нѣкоторыя существенныя отличія отъ правильности чтенія по-русски. Читать правильно по-русски значитъ читать согласно съ тѣмъ, какъ принято выговаривать извѣстныя формы словъ, напримѣръ: „доброва“, а не „добраго“,— „ево“, а не „его“,—идётъ“, а не „идетъ“ и т. п. Между тѣмъ, читая по церковно-славянски, мы должны непремѣнно произносить слова такъ, какъ они напечатаны, безъ всякихъ отступленій и измѣненій, подобныхъ русскому чтенію. На эту сторону чтенія нужно обратить серьезное вниманіе, особенно на первыхъ порахъ ознакомленія учащихся съ церковно-славянскою грамотой и въ томъ случаѣ, когда

подаваніе церковно-славянской грамоты начато въ декабрѣ, можно прочитать съ учениками не только то, что помѣщается въ принятомъ въ школѣ букварѣ, но многое и изъ вышеупомянутой книжки Ильминскаго. Сообразно съ этимъ, конечно, можетъ быть расширенъ и курсъ второго года обученія.

читать по церковно-славянски учатся послѣ русскаго чтенія. Если сначала учитель будетъ неуклонно слѣдить за правильностью чтенія, то дѣти привыкнутъ къ нему скорѣе и легче; невнимательное же отношеніе учителя къ этой сторонѣ дѣла дурно отразится и на ученикахъ. Пріучая дѣтей къ чтенію свободному и правильному, школа должна научить ихъ и чтенію выразительному. Выразительность церковно-славянскаго чтенія подчиняется тѣмъ же законамъ, что и выразительность чтенія русскаго, т.-е въ остановкахъ, повышеніи и пониженіи голоса соотвѣтственно грамматическимъ и логическимъ удареніямъ и знакамъ препинанія; но при чтеніи по церковно-славянски было бы недостаточно научить школьниковъ только этого рода выразительности. Въ русской православной Церкви имѣетъ примѣненіе во время богослуженія особая манера такъ-называемаго церковнаго чтенія, существенно отличная отъ чтенія разговорнаго и декламатическаго. Церковно-приходская школа должна научить дѣтей и этой манерѣ чтенія. Это необходимо сдѣлать въ тѣмъ видахъ, чтобы дать имъ возможность принимать участіе въ чтеніи за богослуженіемъ въ церкви въ воскресные и праздничные дни. Но пріучая дѣтей къ церковному чтенію, нужно всѣми мѣрами заботиться о томъ, чтобы это чтеніе не перешло у нихъ въ пріобрѣвшее печальную извѣстность, такъ называемое, „дьячковское“ чтеніе, т.-е. быстрое, бездушное, безсмысленное бормотаніе, при которомъ невозможно разобрать ни одного читаемаго слова. Настоящее церковное чтеніе не должно нисколько мѣшать его внятности и выразительности. Что касается уроковъ церковно-славянскаго чтенія въ школѣ, то здѣсь въ постоянномъ употребленіи долженъ быть обычный видъ выразительности чтенія,—къ чтенію же церковному нужно пріучать дѣтей особо.

Правильная выразительность чтенія тѣсно связана съ извѣстной мѣрой пониманія читаемаго, съ чтеніемъ сознательнымъ. Какъ же пріучать школьниковъ къ сознательности чтенія по церковно-славянски? Пониманіе читаемаго на урокахъ русскаго языка достигается, такъ-называемымъ, объяснительнымъ чтеніемъ, которое состоитъ въ раскрытіи ученикамъ тѣхъ понятій и мыслей, какія содержатся въ читаемой статьѣ. Такого детальнаго объясненія читаемыхъ мыслей на урокахъ церковно-славянскаго чтенія быть не можетъ, съ одной стороны—потому, что многія мысли, содержащіяся, напр., въ псалтири, по самому своему характеру не могутъ быть въ подробности раскрываемы для мало развитаго еще сознанія и пониманія учащихся,—съ другой стороны, уроки церковно-славянскаго чтенія и не имѣютъ въ виду того, чисто разсудочнаго, усвоенія читаемаго, какое имѣетъ мѣсто на урокахъ русскаго языка. Эти уроки имѣютъ цѣлію, главнымъ образомъ, назиданіе учащихся, которое возможно и безъ полнаго разсудочнаго усвоенія прочитанныхъ мыслей. Нужно припомнить нашихъ народныхъ простыхъ грамотѣевъ, которые съ увлеченіемъ и умиленіемъ зачитываются церковно-славянскими книгами, напримѣръ псалтирью или четьи-минеями. Попросите ихъ разъяснить читаемое, разскрыть данныя тамъ понятія и сужденія логически, и они едва-ли дадутъ вамъ удовлетворительный отвѣтъ. Но вѣдь никто же не можетъ отрицать, что ихъ чтеніе проходитъ безслѣдно для ихъ мысли и сердца; если они не совсѣмъ понимали читаемое, то несомнѣнно глубоко чувствовали на себѣ вліяніе этихъ „божественныхъ" мыслей. Если же такъ, то и школа не должна гнаться за исключительнымъ разсудочнымъ усвоеніемъ читаемаго по церковно-славянски. Такую постановку дѣла рекомендуетъ и программа церковно-приходскихъ школъ. Въ объяснительной

запискѣ къ преподаванію церковно-славянской грамоты говорится слѣдующее: „При чтеніи (по церковно-славянски) обращается вниманіе на значеніе простѣйшихъ словъ и выраженій, чтобы предотвратить чисто механическое чтеніе безъ всякаго пониманія, но не требуется при этомъ объясненія всего содержанія читаемаго. Уразумѣніе церковныхъ текстовъ достигается учащимися постепенно, по мѣрѣ пріобрѣтенія знанія священной исторіи и истинъ вѣры, а также по мѣрѣ умственнаго развитія. Главныя заботы должны быть посвящены религіозно-воспитательной задачѣ, и посему главною цѣлью церковно-славянскаго чтенія поставляется духовное назиданіе и воспитаніе въ дѣтяхъ молитвеннаго духа и вообще молитвеннаго настроенія“.

Но изъ этого указанія программы слѣдуетъ также и то, что было бы неблагоразумно ограничивать уроки по церковно-славянскому языку въ церковно-приходской школѣ однимъ только пріученіемъ учениковъ къ механическому чтенію. Для того, чтобы церковно-славянское чтеніе было назидательнымъ, необходима все-таки хотя бы нѣкоторая степень пониманія читаемаго, которую и должна дать учащимся школа.

Пониманіе читаемаго по церковно-славянски затрудняется не только самыми понятіями и мыслями, въ немъ заключающимися, но еще и особенностями церковно-славянской рѣчи. Мы видѣли, что первая трудность едва-ли можетъ быть устранена вполнѣ; что же касается послѣдней, то устранить ее необходимо, и сдѣлать это вполнѣ возможно. Читая церковно-славянскую книгу, ученики встрѣчаютъ здѣсь совершенно новыя и потому непонятныя имъ слова, какихъ нѣтъ въ русской рѣчи, напр. „абіе“, „взалкати“, „зѣло“ и т. п.; затѣмъ встрѣчаютъ слова съ знакомыми

основными элементами, но отличающіяся отъ русскихъ словъ своими добавочными частями и грамматическими формами (такихъ словъ громадное большинство); наконецъ, въ славянской рѣчи есть слова, по звуку совершенно сходныя съ русскими, но отличающіяся отъ нихъ по значенію; напр. славянское слово „работа“ по-русски означаетъ „рабство“. Всѣ эти особенности церковно-славянской рѣчи, такъ сказать, загораживаютъ предъ читателемъ мысль читаемаго.

Устранить эту преграду можно только при помощи перевода церковно-славянской рѣчи на соотвѣтствующую русскую. Такимъ образомъ уроки церковно-славянскаго чтенія по необходимости соединяются съ переводомъ читаемаго на русскій языкъ. Для того, чтобы перевести одну рѣчь на другую, нужно сообщить значеніе неизвѣстныхъ и непонятныхъ словъ и указать соотвѣтствующія грамматическія формы въ тѣхъ словахъ, которыя отличаются отъ русскихъ только этими формами. Сообщивъ ученикамъ значеніе непонятныхъ словъ, учитель долженъ заставить ихъ запомнить это значеніе, какъ это дѣлается при изученіи всякаго иностраннаго языка. Для этой цѣли, т.-е. для запоминанія, не безполезно заставлять учениковъ записывать таковыя слова съ ихъ значеніемъ въ особыя тетради, и самое заучиваніе давать имъ въ качествѣ домашней вечерней работы. При семъ не лишнее замѣтить, что непонятнымъ церковно-славянскимъ словамъ нужно давать то значеніе, какое принято въ православной Церкви въ русскомъ переводѣ священныхъ книгъ. Пособіями для учителя въ этомъ случаѣ могутъ быть краткіе словари прот. Свирѣлина, въ которыхъ указано значеніе всѣхъ словъ встрѣчающихся въ часословѣ и псалтири, и которые по своей цѣнѣ (10 и 15 к.) доступны всякой, даже самой

бѣдной, школѣ. Далѣе, при переводѣ съ церковно-славянскаго языка на русскій, какъ мы сказали, придется перекладывать славянскія грамматическія формы на соотвѣтствующія русскія. Но было бы недостаточно, если бы учитель ограничился только тѣмъ, что каждый разъ указывалъ соотвѣтствующую грамматическую русскую форму слова; гораздо полезнѣе будетъ, если ученикамъ будутъ сообщены и нѣкоторыя общія свѣдѣнія изъ области церковно-славянской грамматики, напр. о спряженіяхъ, склоненіяхъ. Конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо систематическомъ курсѣ грамматики: ознакомленіе съ грамматическими формами должно вести практически на урокахъ чтенія. Встрѣчаютъ, напр., ученики глаголъ въ прошедшемъ времени: учитель указываетъ другіе глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи и заставляетъ угадывать прошедшее время этихъ глаголовъ. Положимъ, ученики угадываютъ; тогда учитель обращаетъ ихъ вниманіе на окончаніе глаголовъ въ прошедшемъ времени и выводитъ общее правило объ образованіи прошедшаго времени. Отъ частаго повторенія при чтеніи это правило учениками запоминается. Подобнымъ же образомъ сообщаются и другія элементарныя правила церковно-славянской грамматики. Самому же учащему во всякомъ случаѣ полезно ознакомиться съ славянской грамматикой въ системѣ по какому-либо хотя бы и краткому курсу. Прекраснымъ пособіемъ для этой цѣли можетъ быть книжка г. Ильминскаго—„Обученіе церковно-славянской грамотѣ“ (книжка вторая для учителей).

Относительно самаго процесса перевода съ церковно-славянскаго языка на русскій нужно замѣтить слѣдующее: было бы нецѣлесообразно, если бы учитель сталъ постоянно подсказывать ученикамъ значеніе неизвѣстныхъ имъ

словъ и выраженій, даже такихъ, какія уже раньше встрѣчались при чтеніи. Такое подсказываніе, исключающее всякую самодѣятельность учениковъ, должно имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются слова, дѣйствительно неизвѣстныя ученикамъ, и такія, о значеніи коихъ они сами догадаться не могутъ, напр. абіе, вьну, зѣло и т. п. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ нужно побуждать учениковъ самихъ подыскивать соотвѣтствующія русскія слова или даже цѣлыя фразы. Дѣло учителя только помогать имъ путемъ наводящихъ вопросовъ и напоминаній. Такая постановка дѣла на урокахъ церковно-славянскаго чтенія вполнѣ возможна, потому что въ большинствѣ случаевъ между церковно-славянскимъ образомъ выраженія и соотвѣтствующею русской фразой существуетъ нѣкоторая близость, благодаря коей переложеніе славянскаго реченія на русское доступно и посильно, при небольшомъ усиліи мысли и памяти, и школьникамъ съ ихъ еще мало развитымъ сознаніемъ и пониманіемъ —Притомъ же такая постановка перевода полезна для учащихся и въ слѣдующемъ отношеніи. Школа должна выработать въ ученикахъ навыкъ вникать въ смыслъ и содержаніе читаемаго по церковно-славянски, и съ этимъ навыкомъ и умѣньемъ должна выпустить ихъ въ жизнь. Только при такомъ условіи церковно-славянская грамота окажетъ то благотворное вліяніе, какое она можетъ имѣть въ жизни простого православнаго русскаго человѣка. Поставляя переводъ въ указанномъ видѣ, пріучая учениковъ самихъ находить русскую рѣчь, соотвѣтствующую читаемому по-славянски, мы тѣмъ самымъ способствуемъ достиженію главной цѣли обученія церковно-славянской грамотѣ.—Наконецъ, такіе пріемы перевода могутъ устранить одинъ существенный недостатокъ, нерѣдко наблюдаемый на урокахъ церковно-славянскаго чте-

нія. Иногда у малоопытныхъ учителей переводъ съ церковно-славянскаго языка на русскій обращается въ чисто механическое переложеніе съ одного языка на другой. Прочитавъ славянскій текстъ, ученики, при постоянномъ подсказываніи учителя, слово за словомъ перекладываютъ его на русскій языкъ, при чемъ ни мысль ихъ, ни сердце не принимаютъ участія въ читаемомъ. Едва-ли кто можетъ сказать, что такое чтеніе можетъ быть благотворно или назидательно въ какомъ-либо отношеніи. Побуждая же учениковъ самихъ отыскивать соотвѣтствующую русскую рѣчь и только помогая имъ въ этомъ, мы тѣмъ самымъ заставляемъ ихъ вникать въ читаемое и устраняемъ механизмъ перевода.

Относительно того, какъ помогать въ этомъ случаѣ ученикамъ, едва-ли можно дать общія, для всѣхъ случаевъ одинаковыя, руководящія правила; центръ тяжести здѣсь находится въ умѣньи учителя найтись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ примѣненіи къ каждому прочитываемому псалму или даже стиху.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ простой переводъ славянскихъ реченій на соотвѣтствующія русскія можетъ оказаться недостаточнымъ и для той незначительной доли пониманія читаемаго, какая доступна ученикамъ начальной школы. Въ такихъ случаяхъ полезно будетъ присоединять къ простому переводу и нѣкоторое, соотвѣтствующее возрасту и пониманію учениковъ, разъясненіе тѣхъ понятій, какія встрѣчаются въ читаемомъ напр. псалмѣ. Въ программѣ, между прочимъ, говорится: „уразумѣніе церковныхъ текстовъ достигается учащимися постепенно, по мѣрѣ пріобрѣтенія знаній священной исторіи и истинъ вѣры, а также по мѣрѣ умственнаго развитія“... Вотъ этимъ-то знаніемъ священной исторіи и истинъ вѣры и слѣдуетъ пользоваться въ указан-

номъ нами случаѣ. Необходимость такого пріема на уроках церковно-славянскаго чтенія можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Положимъ, что въ школѣ читается псаломъ тридцать третій. Прежде всего прочитывается надписаніе псалма, которое по славянскому тексту слѣдующее: „псаломъ Давиду, внегда измѣни лице свое предъ Авимелехомъ, и отпусти его и отъиде“. Переводя буквально это надписаніе на русскій языкъ, получаемъ: „псаломъ Давида, когда измѣнилъ лице свое предъ Авимелехомъ, и отпустилъ его, и ушелъ“. Такой буквальный переводъ нисколько не поясняетъ славянской фразы „измѣни лице свое“; обращаемся къ надписанію этого псалма въ русской Библіи и тамъ находимъ слѣдующее: „псаломъ Давида, когда онъ притворился безумнымъ предъ Авимелехомъ, и былъ изгнанъ отъ него и удалился“. Такая разность между славянскимъ и русскимъ текстомъ надписанія естественно требуетъ поясненія, и такимъ образомъ учителю по необходимости придется разсказать ученикамъ тотъ эпизодъ изъ жизни Давида, который послужилъ поводомъ къ надписанію этого псалма. Разсказъ этого эпизода не только поможетъ ученикамъ понять самое надписаніе псалма, но уяснитъ въ извѣстной мѣрѣ и тѣ мысли, какія развиваются пророкомъ въ самомъ псалмѣ. Подобнаго рода поясненія иногда могутъ быть необходимы, или если не необходимы, то во всякомъ случаѣ полезны при чтеніи самаго текста псалма. Для примѣра возьмемъ тотъ же 33-й псаломъ. Стихъ 20-й этого псалма читается такъ: „многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь“. Положимъ, что русскій переводъ этого текста („много скорбей у праведнаго, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ его Господь“) дѣлаетъ понятною мысль, заключающуюся въ этомъ стихѣ; но развѣ не будетъ эта мысль болѣе назидательной, если мы подтвердимъ ея

истинность и поясним какимъ-либо примѣромъ изъ священной исторіи хотя бы примѣромъ самого Давида или Іова многострадальнаго?

Такая связь между уроками закона Божія и уроками церковно-славянскаго чтенія особенно желательна въ школахъ церковно-приходскихъ, которыя призваны возвратить подобающее значеніе церковно-славянской грамотѣ въ народномъ образованіи; благодаря этой связи, занятія церковно-славянской грамотой дѣйствительно будутъ назидательны и благотворны для религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся.

Конечно, такая постановка уроковъ церковно-славянскаго языка въ начальной школѣ потребуетъ отъ самого учителя достаточнаго знанія и пониманія того церковно-славянскаго текста, который будетъ прочитываемъ съ учениками; но намъ кажется, что такое знаніе доступно учителю и не получившему средняго образованія,—было-бы только съ его стороны желаніе и усердіе. Что же касается учителей, прошедшихъ курсъ духовныхъ семинарій, то они несомнѣнно должны обладать такимъ знаніемъ. Существенную помощь могутъ оказать здѣсь завѣдующіе школами священники, которые могутъ поруководить малоопытныхъ и малосвѣдущихъ учителей, или давъ въ ихъ присутствіи нѣсколько примѣрныхъ уроковъ церковно-славянскаго чтенія, или указавъ имъ руководства и пособія, полезныя для нихъ въ указанномъ отношеніи.

Таковъ долженъ быть характеръ уроковъ церковно-славянскаго чтенія въ церковно-приходской школѣ! При соблюденіи всѣхъ этихъ условій можно надѣяться, что эти уроки принесутъ учащимся надлежащую пользу.

Въ заключеніе остается теперь сказать нѣсколько словъ о внѣшней обстановкѣ уроковъ церковно-славянской гра-

моты. Матеріаломъ для чтенія здѣсь будутъ или избранныя мѣста изъ священныхъ книгъ, или цѣлыя священныя книги, какъ напр. псалтирь; содержаніе читаемаго—исключительно религіознаго характера; самая цѣль чтенія—не простое ознакомленіе съ содержаніемъ читаемаго и уясненіе его, а религіозно-нравственное назиданіе. Сообразно съ этимъ, и самое чтеніе на урокахъ должно быть проникнуто глубокимъ уваженіемъ къ читаемому, должно быть чтеніемъ благоговѣйнымъ: никакимъ шуткамъ, никакому смѣху здѣсь не должно быть мѣста. Примѣръ такого отношенія къ дѣлу долженъ показывать самъ учитель; тоже онъ долженъ неуклонно внушать и своимъ ученикамъ. Обычай благочестивой старины—начинать и кончать чтеніе на урокѣ крестнымъ знаменіемъ и цѣлованіемъ книги—болѣе всего умѣстенъ на урокахъ церковно-славянскаго чтенія въ церковно-приходской школѣ. Желательно, чтобы она воскресила этотъ забытый современною школой обычай; соблюденіе его будетъ для дѣтей видимымъ знакомъ того особеннаго смысла и значенія, какое должна имѣть церковно-славянская грамота въ кругѣ начальнаго обученія,—того значенія, которое призвана осуществить школа, находящаяся подъ сѣнью Церкви.

В. Добронравовъ.

По поводу отчета по пріюту для нищихъ въ гор. Пензѣ.

„Пріидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня“ (Матѳ. гл. 25, ст. 34, 35).

Вотъ священныя слова Божественнаго Учителя, сошедшаго на землю для спасенія людей и принесшаго имъ въ

жертву Свою земную жизнь подобно доброму пастырю, который полагаетъ душу за своихъ овецъ. Изображенныя въ Евангеліи и на кружкахъ Пенз. гор. исполнительнаго комитета для нищихъ, слова эти должны быть навсегда запечатлѣны въ сердцѣ каждаго истиннаго христіанина,— и что значутъ послѣ этихъ словъ даже самыя краснорѣчивыя воззванія грѣшниковъ о пожертвованіяхъ въ пользу алчущихъ и жаждущихъ.

„Былъ странникомъ,—читаемъ дальше въ Евангеліи,—и вы приняли Меня; былъ нагъ,—и вы одѣли Меня; былъ боленъ, и вы посѣтили Меня“ (Матѳ. гл. 25, ст. 35, 36).

Нѣтъ въ мірѣ народа болѣе великодушнаго и отзывчиваго на чужую бѣду, чѣмъ великій народъ русскій! Доказательства тому—въ исторіи Россіи на каждомъ шагу,— приведемъ хотя-бы послѣднее безкорыстное и геройское заступничество за угнетенныхъ балканскихъ славянъ, оказавшихся неблагодарными... Много добра,— и тайно, и явно,—дѣлаютъ русскіе люди у себя на дому; но и добро, дѣлаемое по самымъ чистымъ побужденіямъ, можетъ обратиться въ зло, если творить его безтолково и неумѣючи. Вся трудность въ дѣлѣ благотвореній состоитъ въ строгомъ различеніи истинно-несчастныхъ, неимущихъ и неспособныхъ къ труду отъ тунеядцевъ и бродягъ—пьяницъ, злоупотребляющихъ именемъ Христа Противъ лицъ, которыя могутъ, но не хотятъ ѣсть хлѣбъ въ потѣ лица своего, обязано ополчиться все общество, на которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ лежитъ и долгъ „носить тяготы“ своихъ ближнихъ и пещись объ истинно и не по своей винѣ несчастныхъ. Заставить работать праздношатающихся и лѣнтяевъ, чтобы съ тѣмъ меньшимъ стѣсненіемъ можно было-бы удѣлять крохи въ пользу убогихъ,—вотъ задача, которая бываетъ по силамъ только общественнымъ учрежденіямъ, ибо сила

—въ единеніи людей. А потому при обычной косности русскаго человѣка, привыкшаго ожидать всякихъ указаній начальства и помощи только отъ правительства, необходимо привѣтствовать всякое благое начинаніе самого общества и всѣми средствами помогать тѣмъ немногимъ энергическимъ людямъ, которые въ сферѣ общественной благотворительности перешли, наконецъ, отъ прекрасныхъ словъ и добрыхъ намѣреній къ дѣлу и, притомъ,—къ дѣлу серьезному, кропотливому и крайне тяжелому. Честь и слава такимъ самоотверженнымъ и безкорыстнымъ общественнымъ труженикамъ!

Намъ присланъ только что вышедшій первый отчетъ по пріюту для нищихъ за время съ 27-го декабря 1891 г. по 1-е марта.

Уже въ засѣданіи 16-го сент. 1886 г. Пенз. гор. дума приняла предложеніе бывшаго тогда гор. головою И. Е. Грошева о необходимости устроить пріютъ для неимущихъ съ цѣлью искорененія профессіональнаго нищенства; но осуществленіе этой мысли началось лишь съ избраніемъ, въ мартѣ 1891 г., подготовительной комиссіи, которая и выработала принятый думою, но до сихъ поръ еще не утвержденный, уставъ благотворительнаго общества. По уставу, это общество должно состоять подъ высокимъ и Августѣйшимъ покровительствомъ Наслѣдника Цесаревича. Въ засѣданіи 18 сент. 1891 г. предсѣдателемъ исполнительнаго комитета былъ избранъ А. Н. Мясоѣдовъ, а членами—гласные: И. Е. Грошевъ, В. Н. Умновъ, В. М. Мануйловъ, Л. В. Пословъ, А. Г. Фабіевъ, К. К. Гарфъ, С. Л. Тюринъ, М. Г. Грушецкій, Ѳ. А. Полумордвиновъ, К. Е. Бартмеръ, И. И. Алиповъ, Ѳ. И. Анировъ, Ѳ. К. Штольцъ, И. В. Никольскій, И. А. Карповъ и члены избирательнаго собранія: Н. И. Тарховъ, И. Т. Прокофьевъ

и А. А. Андреевъ, которые подѣлили Пензу на 20 участковъ и 24-го ноября 1891 г., каждый въ своемъ участкѣ, переписали на церковной паперти нищихъ, которыхъ оказалось 846: мужчинъ 249, женщинъ 323, мальчиковъ 137 и столько-же дѣвочекъ. Цифра весьма внушительная для населенія Пензы въ 50 тыс.! Наименьшее число нищихъ оказалось въ XI уч., у М. Г. Грушецкаго,—4 чел.; наибольшее—въ XVIII уч., у В. М. Мануйлова, 246 чел. (Гусиловка, Крутиловка и Солдатская). Изъ зарегистрированныхъ при переписи и получившихъ „свидѣтельство" на право помѣщенія въ пріютъ 103-хъ человѣкъ, въ пріютъ было помѣщено лишь 80 чел.; остальные 23 человѣка не явились по неизвѣстной причинѣ, кромѣ 4-хъ, которые нашли себѣ работу. Перепись принесла очевидную пользу, ибо неявившіеся для помѣщенія въ пріютъ, по всей вѣроятности, были праздношатающіеся и не нуждавшіеся въ общественной помощи.

На какія-же средства содержался пріютъ въ теченіе двухъ отчетныхъ мѣсяцевъ?

Ежемѣсячныхъ пожертвованій было на 781 р. 77 к.; единовременныхъ—502 р. 22 к.; кружечнаго сбора *)—189 р. 59 к.; пожертвованій, собранныхъ по книжкамъ—44 р. 70 к. и заработано самими призрѣваемыми, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ на матеріалы,—23 р. 93 к.,—всего же поступило 1542 р. 21 к. За израсходованіемъ почти всей этой суммы на содержаніе пріюта къ 1-му марта 1892 г. осталось 189 р. 66 к. На эту сумму безъ прилива пожертвованій не развернешься, а между тѣмъ пріютъ уже довольно блистательно выполнилъ свое

*) Кружечный сборъ въ пользу нищихъ установленъ по почину нашего Преосвященнѣйшаго Епископа Митрофана, который и самъ сдѣлалъ пожертвованіе на этотъ предметъ.

назначеніе и, какъ-бы то ни было, въ самые холодные и голодные два мѣсяца пріютилъ и прокормилъ болѣе двухсотъ нищихъ. По открытіи пріюта, 27 декабря 1891 г., было принято 73 чел.; къ 1-му января ихъ было уже 105; къ 1-му февраля—209. Къ 1-му же марта 1892 года, за смертью и выбытіемъ нѣкоторыхъ призрѣваемыхъ въ пріютѣ оказалось 191 человѣкъ (48 мужч., 66 женщ., 51 мальч. и 26 дѣвоч.).

Правда, призрѣваемые заработали немного,—всего только 23 р. 93 к.; но для начала и это хорошо и во всякомъ случаѣ важно то, что съ учрежденіемъ пріюта хотя нѣкоторые изъ нихъ не оставались въ праздности и хотя сколько-нибудь были полезны для общества.

Если-же принять въ соображеніе возрастъ и физическія силы призрѣваемыхъ, то было-бы несправедливо предъявлять къ нимъ въ отношеніи заработковъ большія требованія. Въ числѣ ихъ были два столѣтнихъ крестьянина: Степ. Антон. Горшепинъ и Григ. Вас. Калашниковъ и столѣтняя крестьянка Акулина Ив. Антонова; въ возрастѣ свыше 80 лѣтъ—18 человѣкъ; были также и дѣти отъ четырехъ лѣтъ, было четверо слѣпыхъ, одинъ калѣка (23 л.), слабоумная (16 л.), глухонѣмая (40 л.). Въ спискѣ призрѣваемыхъ изрѣдка имѣются и такія отрадныя отмѣтки: „крестьянинъ Николай Мельниковъ, 13 л., отданъ въ ученье; крестьянинъ Иванъ Галкинъ, 11 л., взятъ отцомъ въ Воронежъ“. Кто знаетъ—что сталось-бы съ этими несчастными мальчиками, еслибъ ихъ не вывелъ на дорогу пензенскій пріютъ для нищихъ!

Хотя въ отчетѣ и не показано—какія именно работы производили призрѣваемые, но изъ вѣдомости расходовъ можно догадываться, что они занимались клееніемъ бумажныхъ мѣшковъ и переплетнымъ мастерствомъ, ибо инструментовъ для этого дѣла было куплено на 80 коп.,

переплетныхъ принадлежностей на 4 р. 55 к., бумаги и крахмалу на 93 р. 27 к.

23-го мая я посѣтилъ пріютъ, воспользовавшись любезными указаніями и разъясненіями А. Н. Мясоѣдова и В. Н. Умнова.

Пріютъ расположенъ за рѣкой Пензой, на берегу рѣчки, въ мѣстности „Мѣшокъ", противъ Сергѣевской рощи, въ зданіяхъ пожертвованныхъ городу торгово-промышленнымъ товариществомъ П. В. Сергѣева. Большое трехъ-этажное каменное зданіе, служившее прежде помѣщеніемъ подъ мельницу и лѣсопилку, нынѣ на скудныя средства пріюта (1500 р. изъ городскихъ суммъ) приспособляется, подъ главнымъ наблюденіемъ члена комитета В. Н. Умнова, подъ помѣщеніе пріюта въ два этажа. Оно имѣетъ быть соединено съ обширнымъ каменнымъ сараемъ, въ который только что переведена городская столовая Впослѣдствіи-же этотъ сарай будетъ обращенъ въ мастерскія. Въ верхнемъ этажѣ предполагается устроить два отдѣленія: для мальчиковъ и дѣвочекъ, а въ нижнемъ—для стариковъ и старухъ. Временно-же старики и старухи помѣщаются въ двухъ деревянныхъ флигеляхъ, а для дѣтей пока отведенъ сарай. На дворѣ—колодезь. Къ зданіямъ пріюта, по обѣ стороны, прилегаютъ небольшіе огороды, приготовляемые подъ картофель, капусту и прочія овощи. У ограды имѣется грядка для цвѣтовъ... Въ общемъ пріютъ производитъ весьма отрадное впечатлѣніе, въ особенности-же если взять въ соображеніе его недавнее возникновеніе и незначительныя матеріальныя средства. Встрѣтившія насъ дѣти совсѣмъ не казались такими отрепанными и несчастными, какими мы привыкли видѣть ихъ на улицахъ, когда, протягивая руки, они назойливо кричатъ фальшиво-заученнымъ голосомъ и на распѣвъ: „дя-день-ка!.. по-дай Хри-ста ра-ди ко-пееч-

ку“! На дворѣ, въ кучѣ, валялись подобранныя съ улицъ и дворовъ опорки и другая истрепанная обувь. Г. Умновъ тотчасъ приказалъ старику-сапожнику пересмотрѣть эту обувь и, что можно, починить для ребятишекъ... Въ столовой мы увидали окруженную дѣтьми дежурную даму М. С. Зетржда, которая что-то записывала въ книгу. Обѣдъ давно уже окончился. А на стѣнѣ висѣло расписаніе дежурствъ. Приходила и другая дама, г-жа Гельпей, съ пожертвованіемъ отъ г. Немировскаго.

Во имя нищихъ и убогихъ обращаюсь прежде всего къ вамъ, пензенскія дамы и дѣвицы! Такое учрежденіе, какъ пріютъ для нищихъ, болѣе всего нуждается въ вашей личной помощи. Никто и ничто не можетъ замѣнить васъ въ дѣлѣ попеченія о дряхлыхъ, убогихъ, больныхъ и неимущихъ. Русскія женщины уже показали что могутъ онѣ сдѣлать какъ сестры милосердія. Нѣкоторыя изъ васъ уже съ честью и великою пользою для пріюта исполняли и исполняютъ обязанности дежурныхъ дамъ. Не оставляйте же это учрежденіе своими личными, посильными трудами! Поддерживайте ослабѣвающихъ и чередуйтесь съ устающими отъ труда! Помните, что для успокоенія совѣсти нельзя отдѣлываться даже только матеріальными пожертвованіями: личный трудъ часто бываетъ нужнѣе денегъ... Представьте, что кто-либо пожертвуетъ тысячи и въ то же время не будетъ женщинъ, которыя смотрѣли-бы за призрѣваемыми и вносили-бы „душу и сердце“ въ дѣло благотворительности. Тогда погибаетъ и самое учрежденіе или, по меньшей мѣрѣ, оно будетъ уже не такимъ, какимъ ему слѣдуетъ быть. Вотъ истинно почтенная, высокая и достойная женщинъ дѣятельность, которая многимъ и многимъ изъ васъ доставитъ и цѣль, и смыслъ жизни! Зачѣмъ вамъ завидовать какимъ-то „правамъ“ и мнимымъ преиму-

ществамъ мужчинъ? И будетъ у васъ дѣла,—настоящаго дѣла, а не пустяковъ,—сколько хотите: поле благотворительности безпредѣльно, а жнецовъ, и въ особенности—жницъ,—очень мало! Спѣшите дѣлать добро, но дѣлайте его съ толкомъ! Не уклоняйтесь отъ дѣла подъ тѣмъ предлогомъ, что другіе люди могутъ дѣлать его лучше, чѣмъ вы! Прежде всего надо любить дѣло, а гдѣ любовь,—тамъ и Богъ, тамъ и сила, тамъ и средства. Если вы научите грамотѣ хотя нѣсколькихъ изъ пріютскихъ дѣтей, то и это уже—большая заслуга предъ обществомъ: безъ васъ эти дѣти едва-ли когда получатъ „духовную" пищу по той причинѣ, что они не имѣютъ даже насущнаго хлѣба, если почему-либо имъ придется покинуть пріютъ.

Валер. Волжинъ.

Отъ редакціи. Помѣщая на страницахъ епархіальнаго органа статью г. Волжина подъ означеннымъ заглавіемъ, редакція руководилась слѣдующими соображеніями. Призрѣніе бѣдныхъ нищихъ, больныхъ, странныхъ и другихъ нуждающихся людей въ древней какъ восточной, такъ и русской Церкви лежало, главнымъ образомъ, на попеченіе самой Церкви, т.-е. на представителяхъ ея—архипастыряхъ и пастыряхъ. Въ Церкви Апостольской, какъ видно изъ книги Дѣяній Апостольскихъ (IV, 32 34—35. II, 44—45), было общеніе имѣній, и была, такъ сказать, общественная касса, въ которую вносили свои достатки вѣрующіе, и апостолы или предстоятели Церкви употребляли эти приношенія, первѣе всего, на удовлетвореніе нуждъ людей неимущихъ, отъ чего и не было нищихъ между вѣрующими. Такой порядокъ церкви Апостольской послужилъ прекраснымъ примѣромъ и для послѣдующихъ поколѣній въ христіанской Церкви, пастыри которой прилагали къ сердцу

заботу о нуждающихся братіяхъ и находили возможнымъ широко вести дѣло благотворенія. Эти благотворенія не ограничивались только частными пособіями, но иногда принимали видъ болѣе организованный,—строились при церквахъ богадѣльни или больницы, которыя содержались на церковныя средства, и куда принимались для призрѣнія всѣ нуждающіеся. Такого рода богадѣльни устроены были, напр., Василіемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ—первымъ въ Кесаріи Каппадокійской, вторымъ въ Константинополѣ. Въ Русской Церкви уже по уставу св. Владиміра бѣдные люди вошли въ составъ лицъ, призрѣніе которыхъ ввѣрено также пастырямъ. И въ наше время „Положеніе о приходскихъ попечительствахъ“ возлагаетъ на эти попечительства обязанность заботиться объ удовлетвореніи нуждъ приходской церкви, заботиться объ изысканіи средствъ для учрежденія въ приходѣ школы, больницы, богадѣльни, пріюта и другихъ благотворительныхъ заведеній. Священнослужители же суть непремѣнные члены приходскихъ попечительствъ, и кому, какъ не пастырю, настоятелю прихода, должна принадлежать забота объ устроеніи попечительства и направленіе его благотворительными дѣйствіями. Вообще пастырю, къ которому прежде всѣхъ другихъ приложимо наставленіе Сираха: буди сирымъ яко отецъ (4, 10), слѣдуетъ идти впереди другихъ въ дѣлѣ благотворенія *), и собственнымъ при-

*) Супруги пастырей могли бы быть прекрасными помощницами ихъ въ этомъ дѣлѣ, и къ нашимъ матушкамъ весьма идетъ воззваніе, съ какимъ обращается г. Волжинъ къ пензенскимъ дамамъ. И къ чести матушекъ нужно сказать, что въ нынѣшнемъ бѣдственномъ году онѣ приняли дѣятельное участіе въ питаніи учениковъ церковно-приходскихъ школъ при открытіи столовыхъ (№№ 6, 8, 9 и 10 Епарх. вѣд.).

мѣромъ побуждать пасомыхъ съ теплымъ участіемъ относиться къ нуждамъ своихъ ближнихъ. И вотъ для упорядоченія дѣла благотворенія весьма желательно устроеніе не только въ городскихъ, но и сельскихъ приходахъ богадѣленъ, пріютовъ, больницъ и другихъ подобныхъ заведеній. Наши пастыри въ большинствѣ не располагаютъ средствами на дѣла благотворенія и никто не требуетъ отъ нихъ пожертвованій сверхъ мѣры своихъ достатковъ, съ ущербомъ для покрытія своихъ собственныхъ и семейныхъ нуждъ, но пастырь поступитъ достойно своего званія, если станетъ посредникомъ между богатыми и бѣдными, и то, что сдѣлано, напр. въ Пензѣ, городскимъ обществомъ для призрѣнія нищихъ, въ другихъ мѣстахъ могло бы быть достигнуто, хотя бы и въ меньшихъ размѣрахъ, пастырями по ихъ инициативѣ, по ихъ вліянію и при ихъ дѣятельномъ содѣйствіи. Тогда не было бы у насъ прискорбнаго явленія,—наши калѣки—слѣпые, хромые и вообще нищіе не собирались бы, особенно въ воскресные и праздничные дни, даже при самыхъ храмахъ, чтобы испрашивать себѣ подаянія; тогда положенъ былъ бы предѣлъ и тому величайшему въ религіозно-нравственномъ отношеніи злу, какое приносится нынѣ профессіональнымъ нищенствомъ, злоупотребляющимъ благотворительностію русскаго народа, въ родѣ „калилъ", о которыхъ недавно говорилось въ нашихъ Вѣдомостяхъ (№ 8 за настоящій годъ).

Епархіальная хроника.

— 10-го мая, въ недѣлю о слѣпомъ, на литургіи въ соборѣ о. ключаремъ, свящ. К. П. Ручимскимъ произнесено было поученіе о христіанскомъ долгѣ оказывать возможную помощь слѣпымъ, въ ихъ тяжкомъ положеніи. Съ того же

дня по всѣмъ церквамъ начался и продолжался всю недѣлю сборъ пожертвованій въ пользу слѣпыхъ, на основаніи отношенія предсѣдателя Совѣта состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ на имя Его Преосвященства, отъ 10 марта сего 1892 года за № 215 (Епарх. вѣд. 1892 г. ч. оффиц., стр. 161—162).

— 14-го мая, въ праздникъ Вознесенія Господня, Его Преосвященство совершалъ всенощное бдѣніе и литургію въ Крестовой церкви.

— 15-го мая, въ высокоторжественный день коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, Владыка совершалъ литургію въ Каѳедральномъ соборѣ. Вслѣдъ за литургіею, при участіи всего городскаго духовенства, совершенъ былъ по особому, положенному въ тотъ день, чинопослѣдованію благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Молебствіе закончилось возглашеніемъ многолѣтія Ихъ Величествамъ, Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому. За литургіею въ обычное время законоучитель 1-й мужской гимназіи, свящ. В. И. Лентовскій произнесъ слово изъ текста: Возставитъ Богъ небесный царство, еже во вѣки не разсыплется, и царство Его людемъ инѣмъ не останется, истнитъ и развѣетъ вся царства, тое же станетъ во вѣки (Дан. II, 44). Въ словѣ раскрыты были слѣдующія мысли: христіанство нанесло смертельный ударъ языческой греко-римской цивилизаціи и съ пришествіемъ на землю Христа Спасителя возникли новыя царства, которыя, будучи царствами земными, человѣческими, имѣютъ назначеніе сохранять въ себѣ и развивать великое, вѣчное царство Божіе—Церковь Христову.

Эти царства приближаются къ своей цѣли на столько, на сколько выражаютъ въ себѣ духъ христіанства; — получаютъ твердость и устойчивость только тогда, когда проникаются Духомъ Божіимъ, когда сливаются съ вѣчно-неразрушимымъ царствомъ Христовымъ. Въ ряду такихъ царствъ первое мѣсто занимаетъ, безъ сомнѣнія, наше благословенное отечество—православная Россія, гдѣ неизмѣнно сохраняется истинное ученіе Христа Спасителя, проповѣданное апостолами. Наше отечество болѣе всѣхъ земныхъ царствъ приближается къ вѣчному царству Христову и потому получаетъ отъ этого царства больше духовной силы и крѣпости, чѣмъ другія царства земныя. Не столько физическая сила или мудрость человѣческая хранитъ Россію, сколько обитающее въ ней царство Христово. Наша православная вѣра въ годины испытаній всегда давала нашему народу мужество и силу противостоять врагамъ. Въ ней то и заключается источникъ нашей народной мощи, залогъ нашего благоденствія. Обратившись затѣмъ къ воспоминаемому событію священнаго корнованія и муропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, и замѣтивъ, что Государь Императоръ нашъ, какъ истинный Помазанникъ Божій, печется не о внѣшнемъ только благосостояніи своихъ подданныхъ, но и о правильномъ развитіи ихъ духовной жизни, о поддержаніи и укрѣпленіи ихъ союза съ царствомъ Христовымъ —съ православною Церковію, проповѣдникъ выразилъ сожалѣніе, что въ настоящее время различныя превратныя идеи и нелѣпыя міровоззрѣнія съ большою силою вторгаются съ запада въ наше отечество, волнуютъ слои общества и стремятся отторгнуть нашъ народъ отъ союза съ православною Церковію. Здѣсь имѣлись въ виду, очевидно, идеи штундизма и графа Л. Толстого. Не за то ли, говорилъ проповѣдникъ, Господь и наказалъ насъ неурожаемъ, что

одни изъ насъ съ преступнымъ равнодушіемъ, а другіе съ еще болѣе преступнымъ сочувствіемъ отнеслись и относятся къ распространенію въ государствѣ тлетворныхъ идей, забывая, что только въ союзѣ съ правосл. Церковію заключается залогъ благоденствія и крѣпости нашего отечества. Призывая всѣхъ принять посѣщеніе Божіе съ покорностію, о. Лентовскій, отъ лица Церкви, внушалъ, чтобы оно послужило для насъ побужденіемъ употребить всѣ усилія для борьбы съ многочисленными врагами нашей св. Церкви и осуществить на дѣлѣ христіанскія добродѣтели, какъ плоды живой и сердечной вѣры,—примѣръ въ чемъ, примѣръ высокій и поучительный подаетъ намъ самъ Благочестивѣйшій Государь нашъ—своею горячею вѣрою въ Бога и преданностію православной Церкви, своею искреннею, христіанскою любовію къ подданнымъ, которой мы обязаны, между прочимъ, и тѣмъ, что прошлогодній недородъ хлѣба не разразился ужасающимъ бѣдствіемъ на нашу Пензенскую область и на другія недалекія отъ насъ мѣстности, гдѣ вмѣсто прежняго обычнаго изобилія въ хлѣбѣ оказался для многихъ недостатокъ даже въ кускѣ насущнаго хлѣба.

— 17-го мая, въ воскресенье, послѣ литургіи въ Каѳедральномъ соборѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ церквахъ совершено было благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю ниспосланія обильныхъ дождей. Послѣ продолжительной засухи съ 14-го мая начали перепадать дожди, а 17-го мая шелъ весьма обильный дождь утромъ, вечеромъ и почти во всю ночь на 18-е число. Эти дожди оживили упавшія было надежды на оживленіе полевой растительности и дѣйствительно, по полученнымъ свѣдѣніямъ, дожди значительно поправили поля и луга (Губ. вѣдом. № 106). Предъ молебномъ въ соборѣ о. каѳедральный протоіерей сказалъ нѣсколько словъ объ обязанности истиннаго хри-

стіанина приносить благодареніе Милосердому Господу за ниспосылаемыя Имъ милости.

— Въ тотъ же день, послѣ водосвятнаго молебна, на скверѣ послѣдовало открытіе памятника поэта М. Ю. Лермонтова.

— Въ праздникъ Святой Троицы Архипастырь совершалъ бдѣніе въ Каѳедральномъ соборѣ, а литургію, начавшуюся въ 10 часовъ, и затѣмъ вечерню съ молитвами св. Василія Великаго,—въ Троицкомъ женскомъ монастырѣ, по случаю храмоваго праздника.

— 25-го мая, въ день Св. Духа, Владыка служилъ литургію въ Духосошественской церкви и послѣ литургіи удостоилъ своимъ посѣщеніемъ настоятеля, свящ. И. Н. Кронтовскаго.

— 26-го мая, во вторникъ, въ Пензу принесена изъ Вьясской Владимірской пустыни чудотворная икона Владимірской Божіей Матери и первоначально поставлена была въ Богоявленской церкви. Отсюда, въ 4 часа вечера, св. икона съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ перенесена въ Крестовую церковь, гдѣ тотчасъ же началось всенощное бдѣніе. Бдѣніе совершалъ Преосвященнѣйшій Митрофанъ и читалъ акаѳистъ Божіей Матери.

— 27-го мая, въ среду, Владыка служилъ литургію, а послѣ литургіи совершенъ былъ молебенъ предъ чудотворною иконою на площади противъ Крестовой церкви,— послѣ чего горожане могли принимать св. икону въ свои дома. Свѣдѣнія о Вьясской чудотворной иконѣ Богоматери помѣщены въ Епарх. вѣдомостяхъ за 1887-й годъ (№№ 10, 11).

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Редакторы: (**А. Поповъ.**
(**Н. Смирновъ.**

Дозв. ценз. Пенза, 1 іюня 1892 г. Цензоръ, ректоръ сем. прот. **М. Знаменскій.**

Типографія Пензенскаго Губернскаго Правленія.